

Сергей Лукьяненко
Александр Громов

РЕВЕРС

ПОГРАНИЧЬЕ

Пограничье

Александр Громов

Реверс

«АСТ»

2014

Громов А. Н.

Реверс / А. Н. Громов — «АСТ», 2014 — (Пограничье)

Вы пробовали остановить решительного человека, забывшего себя в чужом мире и жаждущего вспомнить? Даже не пытайтесь. Ничего не выйдет. А пытались ли вы остановить решительную женщину, мечтающую вернуть любимого? Тоже не пытайтесь. Зато новичком, недавно открывшим в себе способность проникать в Центр, можно вертеть как угодно. До поры до времени. Особенно если он наивно полагает, что быть пограничником – скучно, а контрабандистом – романтично...

© Громов А. Н., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Дар богов	8
Глава 2. Творец своей судьбы	19
Глава 3. Адреналиновый	31
Глава 4. Учение – свет	42
Глава 5. Куда ты попал, Робин Крузо? Где ты был?	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Лукьяненко, Александр Громов

Реверс

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

В аламейских степях два времени года: просто жаркое и очень жаркое. Зимой, когда не «очень», а «просто», легче дышится, и порой до этих мест доходят дождевые тучи, невесть как не растерявшие влагу во время путешествия через полматерика, изредка грохочут грозы, шумят настоящие ливни. Тогда по броне, не успевая испаряться, бегут потоки воды, ручьи затекают в бойницы, и экипажу весело.

Летом куда хуже. Какой ни возьми броневагон, после полудня внутри него духовой шкаф. В будке бронепаровоза, если он под парами, и того хуже.

А вокруг, от насыпи и до горизонта, только марево над жухлыми злаками, а подчас и миражи – повыше горячей степи, пониже безжалостного солнца. Висят, дразнят. Воды нет, пищи нет, вообще ничего нет, кроме близкой смерти. Но смерть существует только для живых...

Встречаются и живые. Даже боееспособные.

Откуда на исходе лета в пределах Сухой пустоши взялась крупная банда – никто не знал. Судя по всему, это были кочевники с крайнего юга, изгнанные из своих краев засухой и впервые увидевшие железную дорогу. Как иначе понять, что они, конные, вооруженные всего-навсего старыми ружьями, бросились всем гуртом на товарный поезд, медленно тащивший вагоны с рудным концентратом? На что диким степнякам концентрат? А некоторые – не иначе как от большого ума – атаковали бронепоезд, развернувшись в лаву...

Исход был ясен до начала дела. По такому противнику и стрелять-то было неловко – все равно что истреблять постояльцев приюта для слабоумных. А пришлось.

Пули кочевников бессильно щелкали по броне, распаяя пулеметчиков той спокойной злостью, какая бывает на учениях, «приближенных к боевой обстановке». Слитный вой атакующих только раззадорил стрелков. Что, немытые, пограбить захотелось? Вот вам грабеж, получите и распишитесь!..

Машинист положил руку на рукоятку тормоза, подумал и не стал останавливать бронепоезд. Во-первых, не было приказа. Во-вторых, кочевники наверняка не догадались испортить путь или устроить завал впереди. В-третьих, на малой скорости броневагоны почти не раскачиваются и точность огня не будет снижена.

В-четвертых, предпринимать какие-то специальные действия помимо стрельбы при нападении дикарей – чересчур много чести для них.

Наконец, в-пятых, остановка означала бы прекращение потока воздуха, поступающего через вентиляционные отдушины в будку машиниста. Воздух был горяч, но его движение хоть как-то охлаждало потные торсы голых по пояс машиниста и помощника, по совместительству – кочегара. Бронепаровозом «Грозящего» всегда управляли двое – но не от скупости железнодорожного начальства, как на многих дорогах Аламеи, а просто потому, что в тесной бронированной будке не хватало места для третьего члена паровозной бригады. Железная дорога была узкоколейной, и «Грозящий» был узкоколейным бронепоездом – карликом среди своих собратьев.

Узкоколейный – раз. Принадлежащий пограничной страже – два. Это в тысяче километров от ближайшей границы! Тот, кто не знаком с реалиями Центрума, просто-напросто покрутит пальцем у виска.

А напрасно.

Тупые рыла пулеметов зашевелились, нащупали цели, и бронепоезд загрохотал. Без особой надобности жажнула пушечка картечью. Из прицепленных к охраняемому составу теплушек с рабочей сменой и охраной донесли винтовочные выстрелы. Кормовой пулемет бронепоезда вел по атакующим фланговый огонь.

Атака захлебнулась сразу. Вдоль полотна остались лежать тела людей и лошадей. Немногие из догадавшихся вовремя повернуть нахлестывали коней. Стрельба стихла. В жаркий и без того полдень вода в кожухах пулеметов была недалеко от точки кипения...

Много ли увидишь сквозь смотровую щель? И все же, оторвавшись от нее, машинист пробормотал:

– Хотя какое-то ребятам развлечение...

Бронепоезд и следующий за ним состав продолжали ползти на север.

Сейчас из командирского вагона должна была позвонить Фреза – или явиться лично. Она позвонила. Он снял с рычага деревянную, со стершимся лаком, трубку.

– Как ты, Прыгун? – послышался искаженный угольным микрофоном женский голос.

– В пределах нормы, – ответил он. – Повреждений нет. Да и с чего им быть?

Она тут же повесила трубку. Слева дохнуло жаром топки – кочегар подбросил угольку.

Машинист взглянул на часы – хорошие часы земной работы. До сеанса радиосвязи осталось двадцать пять минут. Более чем хорошо. Фреза, конечно, доложит о банде кочевников, и из Ахтыбаха сегодня же прибудет состав с усиленной ротой для охраны важнейших станций. В свою очередь, штаб, возможно, пожелает сообщить какие-нибудь новости.

Фреза... Она сама выбрала себе эту кличку. А его назвала – и не без оснований – Прыгуном. Ему было все равно, как называться, лишь бы она была рядом.

Так и вышло: он – машинист, она – панцермейстер и командир бронепоезда. Первое время у Фрезы были проблемы с личным составом, которому навязали бабу в командиры, но прошел год – и она вышколила экипаж так, что лучше не надо. Да он и раньше знал, какая она бывает: то ласковая, как кошечка, то твердая, как... фреза.

Веско, глухо стучали колеса на стыках. Рейс продолжался. Еще один рейс. И сколько их еще будет, прежде чем Фреза и Прыгун покинут это место службы?

Неизвестно.

Зато было точно известно: это когда-нибудь произойдет.

Глава 1. Дар богов

В среду Макс умер. Он всегда умирал по средам.

Примерно через час он ожил и, как всегда, попытался вспомнить себя: что было утрачено и что появилось нового. Как всегда, разобраться с этим сразу не удалось. Осознание придет позже, тогда и будет подведен баланс приобретений и потерь.

Лучше всего умирать во сне – и во сне же возрождаться. Как ничего и не было – встань и иди.

И лишь спустя несколько часов начнешь понимать: ты уже не тот. Не совсем тот, каким был до очередной смерти, а немного другой. Лучше ли, хуже ли – это как посмотреть. Просто чуть-чуть другой, как копия, сделанная с копии. Многие полагают, что об этом вообще не стоит задумываться: все равно ведь от тебя ничего не зависит, плыви себе в потоке.

В бесконечном потоке еженедельных смертей, возрождений и перерождений.

Смерть – явление преходящее, вот в чем штука. Не разорвать цепь, не выскочить из потока. У каждого свой день, твердо установленный и неизменный. Пестрят брачные объявления: «Блондинка, стройная, миловидная, суббота». Или: «Средних лет, без материальных проблем, увлекаюсь пчеловодством, ищу привлекательную женщину со спокойным характером, вторник». Очень удобно для супругов умирать в один день.

Но откуда же, откуда в голове сидит мыслишка: бывает и настоящая, окончательная смерть? Что это: обыкновенный сон, запомнившийся из-за редкой несурзности, предсмертный бред или все же память о чем-то реальном?

Сейчас не решить.

Кто не пробовал умереть навсегда! Резали себе вены в ваннах, глотали горстями барбитураты, вешались, бросались под транспорт и из окон, взрывались, самосжигались даже, чтобы уничтожить тело, – и все зря. Природу не обманешь. Все равно ведь восстанешь из пепла, как последний дурак. И все равно потом умрешь в *свой* день и в *свой* же день воскреснешь. Что тебе назначено, тому и следуй. Насильственная смерть не считается ни в какой день. Случись она в *твой* день – умрешь в этот день дважды и, естественно, дважды воскреснешь. Лишняя неприятность, и только.

Он пошарил взглядом по сторонам. Марта лежала на полу в неловкой позе – судя по всему, умерла внезапно, пересекая комнату. Чувствуя вину, Макс встал с дивана, поднял жену и перенес ее туда, где только что воскрес сам. Кажется, Марта не слишком ушиблась. И все равно неосторожно с ее стороны. Лежала бы на кровати... Каждому известно: в *твой* день не выходи на улицу, не принимай гостей, не вари еду, не занимайся никакими делами и постарайся весь день лежать, не то наживешь неприятностей. Все равно, конечно, потом воскреснешь, но что за радость воскреснуть с переломом или ожогом? Да и без обыкновенных ушибов вполне можно обойтись. Техника смертельной безопасности всем известна.

На кухне Макс заварил крепкий чай. Обжигаясь, пил. Чувствовал: голова все еще пуста, но мало-помалу наполняется. Чем – вопрос отдельный. Все равно сейчас не понять. Рано еще. Типичный отходняк после воскрешения. Некоторые сравнивают это состояние с алкогольным похмельем, но это зря. Голова не болит. Мозг просто лишен содержимого.

Оно вернется – чуть измененным. Копия, сделанная с копии, которая в свою очередь сделана с копии... и так далее. Один год – пятьдесят два копирования. Это еще ничего, а вот за три года человек становится напрочь другим. А за десять лет? Если скопировать «Джоконду», затем сделать копию с копии и так пятьсот двадцать раз – что получится? Хорошо еще, если «Девочка с персиками», а то ведь может получиться и «Черный квадрат».

Ненадолго Макс удивился: откуда он помнит эти названия? И помнил ли он их раньше? Забыл...

Оставив недопитый чай, Макс вышел на балкон взглянуть, как там грибы. В корытах, наполненных землей пополам с древесными опилками, жизнь никогда не прекращалась – не то что у хозяев корыт. Пока Макс был трупом, из субстрата вылезло несколько новых бледно-лиловых грибочков – еще глупых, не знающих, что такое человек и зачем ему грибы. Созревшие – напротив, задрожали при приближении Макса, верно чувствуя, что быть им съеденными. Макс развел в лейке подкормку, полил все до одного корыта, снял урожай и вернулся на кухню.

Тщательнейшим образом он очистил, вымыл и порезал грибы. Вспомнилось: чтобы скорее прийти в себя, лучше всего заняться какой-нибудь легкой, но требующей внимания работой. Можно еще уборку в доме сделать...

В который раз? Нет, не хочется.

Он жарил грибы, когда воскресла Марта: слабо позвала его и сейчас же потребовала отвернуться и не смотреть. Страшна, мол. Макс послушно отвернулся. Глупо... Он же сотни раз видел ее мертвой, с заострившимся носом, синюшными веками, отпавшей челюстью... Это не считается? Кажется, жена исповедовала философию, согласно которой существует лишь то, что она видит.

Удобно, между прочим!

– Ты проголодалась? – спросил он, выждав минуты две.

– Угу.

– Сейчас грибы будут готовы. Пойду помешаю.

У воскресших отменный аппетит. Макс и сам ощущал желание набить чем-нибудь желудок. Потом – секс, да какой! Бурный и страстный, как в первый раз. Так было у всех, с кем Макс знал по-дружески и кто делился с ним семейными подробностями. И лишь потом начинались варианты. Кто-то мирно засыпал и видел добрые сны, кто-то шел в кино или в гости, а кого-то охватывала неудержимая жажда деятельности: хоть пыль с мебели стереть, если нет стирки или, еще лучше, ремонта. Марта была из последних, что нарушало гармонию отношений.

Точнее, нарушало когда-то. Трудно ведь нарушить то, чего уже нет.

Секс – неизбежность, он нужен, как пища, и приятен, как пища же. Любовь ушла, вот что плохо, хотя и это неизбежно. Она уходила медленно, с каждой неделей, с каждым циклом смерти и воскрешения отщипывая от себя по кусочку и роняя его в никуда. Ушла совсем – и мир стал тусклее.

И притом гораздо непонятнее.

Мир всегда был таким. Он стал непонятным лишь потому, что упали с носа розовые очки. Почему не бывает окончательной смерти? Откуда берутся новые люди? Каков мир антиподов? И в чем вообще смысл всего этого?..

У Марты было наоборот. Три года назад она жадно интересовалась каждой новостью, на все обращала внимание, выпрашивала знакомых и незнакомых об иллюзиях, именуемых прежней жизнью, вела записи, чтобы не забыть хотя бы себя прежнюю, а потом как-то незаметно потеряла интерес, стала просто жить. Как многие, как почти все. И записи выкинула. Бытие определяет сознание – знакомая фраза, но кто ее сказал? Макс не помнил.

Иллюзии – они иллюзии и есть. Всякий скажет: человек не рождается неприличным образом из лона женщины, как фантазируют некоторые умники, и не умирает навсегда. Погиб ли, наложил ли на себя руки или просто дождался *своего* дня – несущественно. Он всегда воскреснет, а иначе и быть не может. Каждый человек есть неотъемлемый элемент этого мира, так как же он может исчезнуть, распавшись на химические элементы? Чепуха, глупые выдумки. Человек вечен. Он как река, то и дело меняющаяся, размывающая берега, срезающая старые петли и углубляющая новые, но тем не менее вечная. Потому она и вечная, что постоянно обновляется. Как возник в мире человек – это, конечно, вопрос. Только неправильный. Человек появился не в мире, а вместе с миром как его элемент и свойство. Что до мира, то возник ли он однажды

или существовал всегда – загадка из загадок. Некоторые загадки можно решить, но эту – никогда и ни за что. Разумное большинство отмахивается от нее и в общем-то правильно делает.

Комфортнее было считать, что мир вечен, и перестать ломать голову над задачей, не имеющей решения.

Макс – ломал. В оправдание себе он придумал постулат: если мир вечен, то вечна и его сложность. Вечна и неизменна. Следовательно, отказ какого-то человека биться над неразрешимыми загадками равнозначен упрощению его личности, а стало быть, и некоторому, пусть малому, упрощению мира. Но законы сохранения не обманешь: если где-то что-то убавится, то в другом месте обязательно прибавится. Значит, если эволюция одной человеческой личности пойдет по линии упрощения, как это случилось с Мартой, то какая-нибудь другая личность, до той поры вполне заурядная, как минимум начнет задавать странные вопросы. Причем вероятнее всего эти две личности будут достаточно близки друг другу эмоционально и территориально – читай: будут коллегами по работе, соседями, а вернее всего супружеской парой.

Полгода назад Макс изложил жене свою теорию в ответ на визгливые упреки в задумчивости. Недели четыре это действовало.

Грибы были готовы. Макс подбросил в плиту чурок, поставил на конфорку жестяной чайник, сполоснул маленький заварочный чайничек, критически оглядел стол и смахнул с него крошки. Нарезал хлеба и вновь смахнул крошки. Позвал жену.

Ели молча. Молча пили чай. Потом так же молча, если не считать стонов, кувыркались в постели.

– Повесишь сегодня новый карниз для штор? – спросила запыхавшаяся Марта, когда кувырки прекратились.

– Завтра, – ответил Макс.

– И белье надо постирать... Ну, белье – это я сама... А окна вымоешь?

– Завтра.

– Всегда у тебя завтра. Почему завтра? И еды в доме нет...

– В магазин схожу, – подумав, согласился Макс. – А окна – завтра.

– Началось... – По сузившимся зрачкам жены Макс понял, что жена уже злится. – Завтра рабочий день. Притом у других мужья как мужья, с работы сразу домой. А ты? Придешь, когда уже темно, корми тебя, устал шляться, а ни для дома, ни для меня у тебя времени нет. – Марта театрально всхлипнула.

– Ну ладно, – проворчал Макс, подумав. – Может, окна и сегодня вымою. На кухне. А в комнатах они пока вроде ничего, как ты считаешь?

– Это ты так считаешь! А я считаю, как считают все нормальные люди!

Готово – перешла на крик. Он у Марты был естественным, из самых недр души, не то что фальшивые всхлипы. Еще месяц-другой назад Макс искренне огорчился, если доводил Марту до крика, и винил себя, но теперь вопли рассерженной супруги были для него лишь помехой. Одеваясь, он не узнал о себе ничего нового: лодырь, белоручка, никчемный тип, негодный муж и все такое прочее. Было шумно и скучно.

– Иди, иди к своим ненормальным! Умничай с ними, умник!

С некоторых пор слово «умник» было у нее ругательным. И уже прошло то время, когда Марта могла задеть мужа словами, какими бы они ни были.

– Знаешь что? – раздумчиво сказал он, надевая ботинки. – Может, ты была права тогда? Может, нам и в самом деле надо разойтись, как ты считаешь?

– Испугал! – Лицо жены выразило крайнее презрение. – Да хоть завтра! Катись, проваливай! Кому ты такой нужен, оболтус? Чеси отсюда, и чтобы я тебя не видела!..

За воплями последовала слезливая истерика. Пожав плечами, Макс вышел. Вслед ему полетел пufик с дивана. Не обидно и не больно: все-таки не уют.

Улица встретила его полуденным светом. Было чуть жарковато, но в целом приятно, особенно если держаться в тени домов. Макс так и сделал. Судя по нагретой брусчатке тротуара, солнце скакнуло по небу буквально только что, но все-таки недавняя тень была лучше, чем никакая. Цвели кусты. Молча пролетела ворона с клоком шерсти в клюве – наверное, понесла выстилать гнездо. Пыхтя и дымя из высокой трубы, прокатил грузовой паровичок на высоких колесах. На солнечной стороне улицы рабочие ковыряли мостовую, бросая камни в кучу. Судя по наличию шанцевого инструмента – собирались устранять утечку в газовой трубе. Опять, значит, ночью не будут гореть фонари...

Злобные крики Марты быстро выветрились из головы. Макс наслаждался свободой. Ему, как и всем прочим, были положены два выходных в неделю: один – воскресенье, другой – сегодня. У каждого свой второй выходной, совпадающий с *тем самым* днем недели, и это правильно. Кто умирает в воскресенье, получает второй выходной среди недели. Устроить иначе было бы просто негуманно.

Макс служил в Инженерном управлении транспортного департамента города. Управление недавно расширили, увеличив финансирование, подбросив новых сотрудников и, разумеется, задач. Развивать ли и дальше omnibusно-паровое внутригородское сообщение или решиться на рельсовый транспорт? Как инженер, Макс стоял за второй вариант – экономисты же кричали и выдвигали возражения.

Зайти, что ли, на службу?.. Нет, завтра.

И в магазин успеется. А вот чего в самом деле хочется, так это – права Марта! – поговорить о том о сем с Матвеем. Где он сейчас – на Стеклой площади или в библиотеке? Редко бывает, что его нет ни там, ни там, но все-таки в каком месте из двух? Бросить монетку, что ли?

Или для начала просто пойти туда, куда ближе. Ближе было до Стеклой площади.

Она служила городской достопримечательностью. В мире насчитывалось больше десятка мест, где земной диск был сработан из идеально прозрачного материала, но лишь одно из них находилось в городской черте. Вряд ли где-нибудь в мире, если не считать деревень, нашлась бы еще одна площадь, начисто лишенная мостовой, не говоря уже о деревьях и памятниках. И тем не менее за вход на Стеклой площадь муниципалитет взимал плату, за счет чего содержал двух уборщиков, следивших за чистотой площади и работавших посменно. Одним из них был как раз Матвей.

Заплатив мелкую монетку, Макс получил соломенные тапочки и прошел на площадь. Ему повезло: Матвей был на посту со своей вечной шваброй. Метла лежала в сторонке – она уже сделала свое дело. Теперь, чтобы стекло как следует заблестело на солнце, нужна была тряпка и теплая вода с толикой жидкого мыла. Вымыв небольшой участок шваброй, Матвей тщательно вытирал воду суконкой и, отступив на шаг, придирчиво исследовал результат. Более добросовестного дворника – или мойщика стекла? – трудно было представить.

Строго говоря, ровная – ровнее всякой линейки – земная поверхность на площади не была стеклом. Нещадно поцарапать стекло ничего не стоит, а этот идеально прозрачный материал не царапался ничем. По той же причине не был он и горным хрусталем. Не был и алмазом – алмаз чрезвычайно трудно поцарапать, зато сравнительно легко расколоть, а от этого «стекла» еще никому не удалось отколоть ни одного кусочка, хотя в желающих недостатка не ощущалось. Добропорядочные горожане, потев, били молотами, кирками, ломami, чем только ни били – всё без толку. Плюнули. Один местный умник выстрелил из револьвера под ноги, убил себя рикошетом в неурочный день и долго служил потом предметом ироничного сочувствия. На приезжих, напрасно старающихся оставить хотя бы мельчайший неустрашимый след на «стекле», горожане смотрели с неприкрытым сарказмом.

Уборку площади Матвей всегда начинал с центра, после чего продвигался по спирали к краям, не пропуская ни дюйма поверхности. Старичок славился аккуратностью, не то что его сменщик Абдулла, уже получивший от департамента городского хозяйства предупреждение

о неполном служебном соответствии. Матвей умирал по пятницам, отчего бывал мрачноват накануне, так что лучше дня для беседы с ним, чем среда, трудно было придумать. К среде он обычно рожал новую идею.

– Помочь не надо? – как всегда, спросил Макс, подойдя и поздоровавшись.

– А что, и помощи, – отозвался Матвей. Обычно он отказывался, но сегодня явно стремился управиться с работой поскорее – не в ущерб качеству, естественно. Значит, выдумал не просто что-то новое, а из ряда вон выходящее, такое, что сам удивлен и озадачен.

Вдвоем и правда пошло быстрее. Медленно пятясь, Макс возил перед собой шваброй, временами окуная тряпку в ведро, а Матвей, тряся пучками седых волос, полз задом наперед на четвереньках, и суконка в его дряблых руках так и мелькала. Огрехи Максовой работы он замечал мгновенно, будто имел дополнительную пару глаз на задку. Заметив – сердился, тряс головой:

– Ты что мне тут грязь развозишь? Работничек... Вымой тряпку да выжми как следует! Сходи воду поменяй!

Больше ни о чем не разговаривали. Макс то и дело смотрел вниз сквозь прозрачную толщу. Уже вторую неделю антиподы били сваи, а чего ради – кто их разберет. И вот что дивно: с этой стороны «стекло» прочнее какого угодно материала, а с той – сваи в него свободно входят. Вон они, уже с десяток. Стоит копер, прыгает тяжелая баба – бах-бабах! А на эту сторону не долетает ни звука, ни вибрации. Приложи ухо к «стеклу» и попроси кого-нибудь постучать в нескольких шагах молотком – совсем другое дело, прозрачный материал прекрасно проводит звук. А с той стороны он не проходит, даже если антиподы у себя бомбу взорвут. Противнее всего то, что расстояние-то до антиподов с виду не столь велико: примерно равно диаметру «стеклянного» круга, шагов с полсотни всего...

То-то и оно, что «с виду»! В действительности – кто его разберет. По роду службы Макс знал, что возле одного из прозрачных окон земного диска издавна работала шахта, дошедшая уже до километровой глубины и на разных уровнях выбросившая туда-сюда штольни и штреки. И – ничего. К антиподам не прорылись, изменение направления вектора силы тяжести не ощутили. Грунт как грунт, где-то рудные жилы, где-то пустая порода, но не было обнаружено ни антиподов, ни даже идеально прозрачного, уходящего вглубь цилиндра, хотя любопытные маркшейдеры нарочно рассчитали пару штреков так, чтобы подкопаться точно под «окно»...

С ума сойти.

Разумное объяснение, конечно, существовало, Макс обсуждал его с Матвеем еще полгода назад. «Окна» – всего лишь экраны, передающие (каким образом?) откуда-то (откуда?) изображение. Гипотеза была богатая, ставила под сомнение существование антиподов, но вот досада: ни Макс, ни Матвей не могли себе представить такого экрана. Он не мог быть творением рук человеческих. Большинство людей считало «окна» природными объектами и не задумывалось об их устройстве и смысле. Макс задумывался, а уж о старом уборщике и говорить нечего.

Толку не было. Однажды Матвей признался Макс, что хочет сменить работу, иначе, пожалуй, сойдет с ума.

Народу на площади в этот час было мало. Никто не манкировал тапочками, рискуя вызвать взрыв ругани со стороны Матвея. Солидная пара – явно приезжие – дивились, как и положено туристам. Женщина ахала, цеплялась за спутника и жаловалась на головокружение. Осторожно обогнув прозрачный круг, проехал извозчик. Протопал, насвистывая, долговязый подросток с биноклем. Приложив оптический прибор к глазам, долго пялился на процесс забивки свай. Разочарованно удалился. Макс с усмешкой проводил его взглядом. Прошло, милый, время заглядывать под юбки антиподовым женщинам – ну какие юбки на стройплощадке?

И еще один тип давно торчал возле «окна». Судя по мелким нюансам одежды и обаятельному саквою в руке – приезжий, причем приехавший только что, а судя по поведению

– не турист-зевака. Не наступая на прозрачную поверхность, как поступил бы всякий любитель достопримечательностей, он то приваливался спиной к столбу газового фонаря, то принимался лениво ходить взад-вперед, как человек, терпеливо ожидающий кого-то. Но смотрел он почему-то на Макса.

Кому понравится, когда на него глазают, как на диковину? Для начала Макс преисполнился неприязни к незнакомцу. Затем решил не обращать на него внимания, а потом и вовсе забыл, поскольку мытье площади было окончено и даже Матвей одобрил работу.

Грязную воду из ведра вылили в коллекторный сток, ведро вымыли у пожарного гидранта, метлу и швабру Матвей запер в будку. Краем глаза Макс заметил, что странный тип, не сводивший с него глаз, дернулся было в его сторону, как будто намеревался обратиться с каким-нибудь вопросом, но передумал и отступил. Пес с ним.

– Новоприбывшие! – вещал Матвей, решивший наконец, что дольше сдерживать внутри сокровенное нет сил. – Новоприбывшие и их странные идеи! Вот где надо искать. Что?.. А кто сказал, что будет легко? Трудно, я понимаю. Да, не мы первые. Зато перспективно... э-э... в перспективе. Стеклянная площадь нам ничего не даст, да и другие «окна» тоже. Прелюбопытный, конечно, феномен натуры, но он тоже следствие, а не причина. Я это понял. Мыл площадь – и понял! Антиподы, понимаешь, с той стороны сваи быют, я гляжу на них – и тут будто мне кто в мозги сваю вбил. Не в антиподах дело. Их, антиподов, может, и вовсе нет, может, нам кто-то просто-напросто картинки показывает... Молчи, дай сказать... А может, и есть они, антиподы, только мне теперь до них дела нет. С иного конца надо браться, с иного! Что?..

– Ничего, я слушаю, – сказал Макс. – Продолжай.

– От частного к общему – это индукция называется, метод такой. Не слыхал? Я вот тоже не слыхал, то есть, может, и слыхал когда-то давно, но забыл, а теперь вот вспомнил. Метод познания. Можно идти от общего к частному, это дедукция получается, а можно и наоборот, вот и выйдет индукция. Мы о Стеклянной площади думали и через нее пытались выйти на вопросы более глоб... глок...

– Глобальные, – подсказал Макс.

– Именно глобальные. А почему у нас ничего не вышло? Я отвечаю: мы просто-напросто взяли не ту частность. Она нас к общему не выведет. Надо брать другую, и вот тебе другая: новые люди. Откуда они вообще берутся? Почему все они чокнутые? Кто-нибудь записывал их рассказы?

Макс испытал некоторое разочарование. Он чуть было не поверил, что старик и впрямь родил гениальную мысль. Увы, она не блистала новизной.

– Еще как записывали, – сказал он. – В библиотеке, в спецфонде немало таких записей. Там и книги странные есть, только ничего не понять – не наши буквы. Но картинки бывают интересные. Подашь прошение о допуске, дождешься рассмотрения, получишь и копайся в спецфонде сколько хочешь.

– А ты копался?

– Конечно. Потом у меня допуск кончился...

– Надо возобновить, – убежденно сказал Матвей. – А еще надо самим искать новоприбывших и беседовать с ними. Знаешь, приватно так, без лишних ушей. Выпивку им поставить, а главное, не показывать неверия. Что прежде всего нужно человеку после еды, питья и ночлега, а?

– Истина, – твердо сказал Макс и, вспомнив Марту, усомнился в сказанном.

– Ну да, да, истина. – Матвей насмешливо фыркнул. – А еще крылья, чтобы летать, и волшебная палочка. Не обобщай. Это нам с тобой нужна истина, а всякому нормальному человеку, даже вновь прибывшему, нужен благодарный слушатель. Подчас он даже сильнее нужен, чем еда, питье и ночлег. Выговорился – и полегчало. Вот мы с тобой и станем такими слушателями. Хочешь?

– Не знаю...

– А что ты вообще знаешь? – рассердился Матвей. – Хотя да... Сегодня же среда, ты сегодня умер... Как прошло?

– Как обычно.

– Прости, я не учел, что ты сегодня немного заторможенный. А ты напрягись, подумай. Новоприбывшие таращат глаза и несут чушь, все они подвинутые умом. Поначалу вообще лопочут что-то несусветное, тарабарщину какую-то, вроде даже на язык похоже, только никакой это не язык, потому что язык у нас один и других не требуется... С одной стороны, почему бы человеку и не свихнуться, кто ему помешает? В законах об этом ничего не сказано, так что любой человек имеет полное право на любую манию, кроме уголовно наказуемых. Но! Все они, как говорить научатся, несут одну и ту же чушь: дескать, мир круглый, то есть шарообразный, а отнюдь не плоский. И все до одного впадают в ступор, когда до них доходит, что мы живем на бесконечной плоскости. Тогда некоторые начинают кричать, что тут-де у нас Чистилище, что тоже глупо... Ты следишь за мыслью?

– Слежу.

– Значит, пойдем далее. Все новоприбывшие дивятся тому, что солнце прыгает по небу, а на ночь гаснет. Они почему-то думают, что солнце должно двигаться по плавной дуге, а на ночь закатываться за горизонт, то есть за воображаемую линию, какая бывает всегда, если мир – предположим! – действительно шарообразен. Они дивятся «окнам» и часто боятся их. И наконец, что самое смешное, они никак не возьмут в толк, что не существует ни рождения, ни окончательной смерти, а есть только недельный цикл обновления. Все до одного спрашивают: откуда же тогда в мире берутся новые люди? Отвечаешь им: «Да оттуда же и берутся, откуда вы взялись», – а они только глазами лупают...

– Это я знаю, – пробурчал Макс. – Это я помню. Не настолько уж я заторможенный. Кстати, меня тоже интересует, откуда берутся люди.

– Ты молчи, ты слушай... О чем я? Да! Есть просто психи с разными заскоками, а есть новоприбывшие, у которых один и тот же заскок. Заметь, у всех без исключения. И каждый из них тоскует, места себе не находит, рвется куда-то... С чего бы? Ну, конечно, поживет такой у нас недели три-четыре, поймет, что такое нормальная жизнь, и уже не болтает лишнего, а через полгода и вовсе человек как человек. И тут возникает вопрос: можем ли мы считать их обыкновенными психами?

– Обыкновенными – нет, психами – да, – сказал, пожав плечами, Макс. – Зачем таких изолировать? Они не опасны. Пройдет время – сами придут в норму, причем в нормальном обществе, а не за железной решеткой. Да и мало их...

– Вот-вот-вот-вот-вот!.. – затараторил Матвей. – Их мало. Опасности они не представляют, иногда даже забавны. А не кажется ли тебе... – тут он оглянулся и понизил голос до шепота, – что их бред имеет под собой какую-то почву? Нет-нет, ты не так понял... Чего кривишься? Я-то еще не сошел с ума и к сектантам не примкнул. Никаких шарообразных миров, конечно, не существует. Но я вот о чем подумал: наш еженедельный цикл смерти-возрождения – единственный ли? Каждый из нас чуть-чуть меняется с каждым циклом, это все знают. И ты меняешься, и я. Что-то теряем, что-то приобретаем. Но вот представь себе, что один раз, скажем, в сто лет...

– Почему в сто? – перебил Макс.

– Нет, ты все-таки заторможенный... Я просто так сказал. Не нравится сто – пусть будет двести лет. Или пятьсот. Назовем этот срок суперциклом. И вот раз в пятьсот лет каждый из нас умирает не как обычно, а... более основательно, что ли. А потом возрождается с полной потерей истинной памяти и заменой ее памятью ложной, наведенной кем-то...

– Кем?

Матвей фыркнул, как фыркает лошадь, когда ей в ноздрю лезет муха.

– Почему солнце светит? Почему мир плоский? Кто создал Стеклянную площадь? Не приставай. Таково фундаментальное свойство мира, понял? Отсюда и схожесть бреда новопривывших. Это тоже фундаментальное свойство. Нет, я пока не утверждаю, что так оно и есть, но в качестве рабочей гипотезы, по-моему, годится. И лично мне кажется, что это продуктивная гипотеза. Есть возражения?

– Чем же она продуктивная? – кисло поинтересовался Макс.

Матвей даже руками всплеснул.

– Что, не понимаешь? Само собой, вопросы типа «что было до начала времен», «в чем смысл жизни» и «где кончается мир, если он бесконечен» так и останутся вопросами, и ничего тут не поделаешь. Но гляди! Естественно, субъект, испытавший радикальное перерождение, ничего из своей прошлой жизни не помнит. Где его дом – не ведает, близких не узнает, может и в другой город уехать и уже там будет нести свой бред... Пройдет время – и образумится, начнет новую жизнь. Вот, скажем, ты – сколько времени себя помнишь?

– М-м... года три примерно. А кто себя помнит дольше?

– А твои записи?

– Были. Марта нашла и сожгла, я же тебе говорил...

– Ладно, допустим, три года. У меня примерно столько же. И вот я тебя спрашиваю: не был ли ты три года назад новопривывшим? Или я? Э, ты успокойся, я же чисто гипотетически говорю...

Макс усовестился и отступил на шаг.

– Знаешь, за некоторые гипотезы...

– Ладно, не будем о себе. Но другие? Ты гляди. Если мы начнем изучать новопривывших и применим статические методы... Что? Ну я же и говорю: статистические. Подумаешь, оговорился! Короче, статистические методы могут нам дать хотя бы продолжительность суперцикла. И даже сам факт его открытия будет иметь мировое значение!

Макс почесал в голове, похмыкал. Матвей давно мечтал докопаться до чего-то имеющего мировое значение и даже не очень скрывал это. Запросы самого Макса были скромнее: хотя бы иногда нагружать мозги работой, выходящей за рамки служебных обязанностей и быта. Пусть не каждый день, но уж раза два в неделю – обязательно. Иначе не вынести такого бытия. Хотя если расстаться с Мартой, то, наверное, можно будет обойтись и без завиральных теорий Матвея... но что тогда останется в жизни?

Впрочем, расстаться с Мартой придется так и так... Жаль, конечно, причинять ей боль, но тут уж ничего не поделаешь. Или расстаться, или петельку намылить – а много ли толку от петельки? Ничего, поплачет, позлится, переживет несколько циклов, успокоится – и найдет себе другого мужа, положительного и домовитого...

«Марта, Марта, надо ль плакать?» – вдруг всплыла откуда-то фраза, но откуда, чья и по какому поводу сказанная – загадка. Из тех загадок, что не разгадываются.

– Прошу меня извинить, – раздалось вдруг над ухом, и Макс, вздрогнув, обернулся. Позади стоял тот самый тип, что глазел на него битый час.

– Прошу не счесть мое любопытство праздным, но я нечаянно услышал кое-что из вашей занимательной беседы, и ее тема показалась мне в высшей степени интересной. – У незнакомца был легкий акцент. – Кажется, вы говорили о новопривывших?

– Какое тебе дело, о чем мы тут говорили? – окрысился Матвей. Статус пролетария давал ему преимущество – возможность хамить кому угодно, кроме прямого начальства.

Против ожидания неизвестный не стушевался.

– Вовсе незачем грубить, – мягко произнес он. – Мне до этого прямое дело. Я новопривывший. Вы ведь хотели изучать их, я не ошибся? А если так, то почему бы вам не начать с меня? Я готов ответить на все ваши вопросы.

– На все? – заинтересовался Макс.

– Кроме самых интимных, разумеется, – засмеялся незнакомец. – Кстати, меня зовут Федор. Или Теодор, если такая транскрипция вам удобнее. Дар богов в переводе с греческого.

– С какого-какого?

– С какого угодно. Хоть с древнегреческого, хоть с новогреческого – все едино.

Матвей и Макс переглянулись. Дело было ясное: типичный новоприбывший. Почти наверняка не любитель розыгрышей и не вор на доверии. Типичный синдром, типичный бред.

На ловца и зверь бежит, как говорится.

Пришлось представиться:

– Меня зовут Макс. А это Матвей.

Теодор переложил саквояж в левую руку, а правой церемонно приподнял шляпу. Матвей сердито засопел.

– Очень приятно, очень! – с воодушевлением воскликнул Теодор. – Ну-с, когда начнем исследование? Прямо сейчас?

Матвей засопел громче.

– Может быть, завтра? Хорошо? Ну вот и договорились. Завтра так завтра. Встретимся здесь в полдень. Ах, вы будете на службе? Ну, тогда вечером. Приходите. Вам надо разобраться кое в чем, да и мне, представьте, тоже. Скажите, здесь всегда такая погода? Сегодня она просто замечательная. А завтра такая же погода будет?.. Ну-с, всего вам доброго, до завтра! – Незнакомец приподнял шляпу, вроде бы собираясь уходить. – Ах, как приятно поговорить с умными, а главное, ищущими людьми! Здесь, знаете ли, народ по большей части скучный какой-то... Очень, очень приятно!

– Мне тоже приятно, – пробормотал Макс, а Матвей досадливо крикнул.

– Послушайте! – Теодор совсем расцвел. – А не прогуляться ли нам немного? Побеседуем, а я, кстати, и город посмотрю, занятный у вас город... А?

– Да я... – начал было отнекиваться Макс и вспомнил Марту. Идти домой совсем не хотелось. – Ну... почему бы и нет?

Матвей шумно выдохнул, махнул рукой и пошел прочь. Макс озадаченно посмотрел ему вслед.

– Боюсь, что это я виноват, – объяснил Теодор. – Я, знаете ли, как попал на Стекланную площадь, так и начал смотреть, что внизу делается... ну, как все зеваки. Ничего не понял, плюнул в сердцах. Причем натурально, знаете ли, плюнул, слюной. Не выдержал. Откуда мне было знать, что это запрещено? Вон табличка висит, сорить запрещает, а разве плевок – это сор? Выгул собак запрещен, въезд гужевому и паровому транспорту запрещен, а насчет, простите, плевков и сморканий – молчание. Это недочет. Ну – тут этот дворник налетел и давай кричать... Он на меня, я на него. Теперь дуется.

– Лучше бы вы кувалдой по «стеклу» били, – сдерживая смех, сказал Макс. – Тогда бы он ничего не сказал. Может, подзадорил бы даже: лупи, мол, сильнее.

– Откуда мне было знать? Кому же и попадать впросак, как не новичкам? Ну-с, идемте, идемте!..

Неприязнь к незнакомцу давно улетучилась. На краю площади сдали тапочки. Макс выбрал маршрут поживописнее и повел Теодора знакомиться с городом. Показывал на здания, рассказывал, что помнил. О многом, увы, рассказать не мог.

Странное дело: у Макса сложилось впечатление, что его спутник не так уж рьяно интересуется городской архитектурой и историей. Теодор не задавал вопросов – вежливо кивал и молчал. Так ведут себя те, кто уже бывал здесь прежде. Конечно, этого не могло быть, ясно же видно: новоприбывший... Но не такая реакция на новое характерна для новоприбывших, не такая! Правда, судя по речи, прибыл он сюда не вчера, а по меньшей мере три-четыре дня назад – за это время можно успеть десять раз обойти город вдоль и поперек. Но если он это сделал – зачем тогда экскурсия?

Наконец Макс не выдержал:

– Ладно уж, кончайте темнить. Говорите прямо: что вам от меня надо?

– От вас? – картинно изумился Теодор. – Позвольте, но ведь вы сами...

– Город вас не интересует, это я понял. Значит, интересую я. Угадал?

Теодор весело чертыхнулся.

– Что ж, не стану отрицать. Судя по вашему разговору с тем старичком... Матвеем, кажется?... судя по тем обрывкам вашего разговора, которые я невольно услышал, вы человек, интересующийся теми же вопросами, что и я. Правда, насколько я успел понять, мы с вами стоим на диаметрально противоположных позициях, научные оппоненты, так сказать. Вы утверждаете, что мир плоский, как лист фанеры...

– Не бывает бесконечных листов фанеры, – перебил Макс.

– А я и не утверждаю, что ваш мир конечен, – живо подхватил Теодор. – Я этого просто не знаю, мои интересы, так сказать, более практические. Однако конечен он или бесконечен, мир – ваш мир – представляет собой колоссальную плоскость с наложенными на нее природными неровностями рельефа, так?

– Ну... так.

– А тот мир, из которого я прибыл сюда, все-таки шарообразен в первом приближении. Скажу более: в моем мире существуют и другие шары, они называются планетами. Могу продолжить: существует множество миров, или вселенных, и в большинстве из них люди живут на шарообразной, а не плоской поверхности. Они рождаются, растут, взрослеют, стареют и умирают – умирают, к сожалению, навсегда. Ваш мир – редчайшая аномалия.

Теперь Макс уже не сомневался, что Теодор – истинный новоприбывший. Правда, с идеей о множественности вселенных Макс пока не сталкивался. Два мира еще так-сяк, – но множество?..

– И что же в вашем мире происходит с человеком после смерти? – спросил он.

Теодор рассмеялся.

– Насчет души, или бестелесной субстанции, существуют разные версии. Но тело, увы, не восстанавливается. Чаще всего его либо сжигают, либо дают ему сгнить в земле.

Фу, подумал Макс. Какая мерзость! К счастью, это всего лишь бред новоприбывшего. Ничего, сейчас я его осажу...

– Видите ли, – мягко сказал он, – нечто подобное я уже слышал. К сожалению, все эти утверждения оказались голословными. Быть может, вы сможете представить доказательства?

– С удовольствием! – кивнул Теодор. – С чего начнем?

– С чего хотите.

– Тогда взгляните на это.

В руки Максу лег прямоугольный кусок тонкого картона. Цветной дагерротипный снимок отличался отменным качеством. На снимке были изображены Макс и Теодор крупным планом. За ними стеной стояла зелень – не то запущенный сад, не то лесные заросли.

– Дело в том, что мы давно знакомы, – сказал Теодор. – Вы Макс Дитер Штейнгарт из города Гейдельберга. Это я прозвал вас гейдельбергским человеком. Вы смеялись, у вас когда-то было неплохое для немца чувство юмора... Не скажу, что мы были лучшими друзьями, но хорошими приятелями – были. Снимок сделан в нашем мире. Он и ваш мир, ваш родной мир.

Макс молчал, разглядывая фотографию.

– Что же вы не спрашиваете, как вы здесь оказались? – чуть помедлив и не дождавшись ответа, продолжал Теодор. – Спешу вас успокоить: никаких преступлений, никаких ссылок. Вы сами поместили себя сюда на некоторый срок. Вы мечтали об обновлении, о повышении ваших профессиональных качеств – и ушли, никого не спросив. Руководство было недовольно, но на время смирилось. А теперь оно послало меня, чтобы я вытащил вас отсюда. Мера необходимая, поскольку вы не помните сами себя...

Макс постоял в обалдении. Потом вернул снимок Теодору.

– Фальшивка.

– Да ну? Такого качества? У вас умеют это делать? А что вы скажете насчет этого? – Вынув из внутреннего кармана небольшую изящную коробочку с маленькими кнопками, он продемонстрировал ее Макс. – Это мобильный телефон. В вашем мире он, конечно, работать не станет, а в Центруме и вовсе пропадет, если не принять специальных мер, но вот в моем...

– Ах, не станет работать? – саркастически осведомился пришедший в себя и уловивший главное Макс. – Я почему-то так и думал. Имитация. Фокус-покус. И потом, мир велик, мало ли где что делают... Не пойму, зачем вам понадобилось меня разыгрывать?

– Значит, для вас это не доказательство? – с улыбкой осведомился Теодор.

– Ни в коей мере.

– А что для вас будет доказательством? Проход в иной мир? Желаете лично убедиться, вложить, так сказать, персты? Могу устроить и это. Соглашайтесь, не прогадаете. Можем хоть сейчас взять извозчика и поехать посмотреть доказательство. Деньги у меня есть.

Насчет перстов Макс не понял. И вообще: какому нормальному человеку понравится, что его втягивают в авантюру? Макс справедливо полагал себя нормальным. А Теодор явно был психом, но занятым психом. Согласиться?.. Не согласиться?..

А если он не псих, а талантливый мошенник?

– Э-э... может быть, завтра? – промямлил Макс. – Матвея возьмем...

– Завтра будет завтра, – отрезал Теодор. – Матвею вы сами потом покажете. Если захотите, конечно. Лично мне Матвей не нужен, я прибыл не за ним, а за вами. Насчет «завтра» я сказал ему для отвода глаз. Я околачиваюсь тут уже четвертый день, а значит, того и гляди помру-воскресну. Не хочу. Сегодня я намерен покинуть этот мир и перебраться в другой. Не хотите пойти со мной – и не надо, хотя от начальства мне нагорит... Но хоть увидите, как я уйду, и разве это не будет доказательством? Ну, согласны?.. Эй, извозчик!

Минуту спустя они уже катили к городской окраине, и Макс не понимал, где кончается бред и начинается явь.

Глава 2. Творец своей судьбы

Все говорят: «Экономический кризис, экономический кризис», – и разводят руками, как будто ничего нельзя предпринять. Можно подумать, кризисы устраивают не люди по неразумию и жадности, а прилетел и шмякнулся о Землю астероид или раздался глас свыше, спорить с которым бесполезно. Кризис, мол, и точка. Терпи.

Кончился жаркий июль, когда Сергея Коханского уволили. Лизинговая компания, где он работал, переживала трудности. Само собой, под сокращение попал младший персонал.

В общем-то Сергей числился у начальства на хорошем счету, ждал повышения и полагал, что уж ему-то увольнение грозит в последнюю очередь. Действительность с легкостью опровергла эти наивные предположения. Правда, ему было обещано, что его вновь возьмут на прежнюю должность, как только компания переживет трудный период, но каждый знает, чего стоят такие обещания. Плюнуть и забыть.

Деньги пока были. Искать работу в период отпусков, да еще когда от невыносимой жары плавится асфальт, – занятие для совсем уже отчаявшихся. Можно было и повременить. Почему бы не рассматривать увольнение как начало отпуска?

И предаться активному отдыху, конечно.

У нормального мужчины должна быть игрушка – это знает любая умная женщина. Если игрушки нет, значит, мужчина ненормальный, таких надо сторониться. А если игрушку отнять, то в душе мужчины возникнет зияющая пустота, каковую, по Аристотелю, природа не терпит. Древний ученый муж был прав: вакантное место рано или поздно, но неизбежно займет водка. Или другие женщины. Иногда – то и другое сразу. Не нужно ревновать мужчину к его любимой игрушке, пусть себе тешится.

Постоянной женщины у Сергея не было, а вот любимая игрушка была: спиннинговая рыбалка. К аристократической ловле нахлыстом он не пристрастился, посиделки на берегу пруда с удочкой презирал как занятие бездельников, неспортивных методов лова сторонился. Любил съездить в выходные на водохранилище за щукой или судаком, а если мечталось о форели или о ночлеге в тепле, то и на частный зарыбленный пруд. Немного осталось рыболовных хозяйств в Московской области, да и в прилегающих областях тоже, где Сергей не побывал бы со своим спиннингом и увесистым ящиком с блеснами. Были тут и колебалки, и вращалки, и всевозможные воблеры, попперы, твистеры, джиги, джерки, и еще многое, без чего рыба прекрасно обошлась бы, а рыболов – нет. Еще большее количество снастей оставалось дома, и стены квартиры были увешаны фотографиями, изображающими Сергея с разнообразными трофеями. Вот он держит обеими руками громадную щуку, свирепо разинувшую пасть, вот он лежит на травке и кажется коротышкой по сравнению с разлегшимся рядом усатым сомом, а вот Сергей с друзьями, и все гогочут: только что из озера был выловлен громадный ржавый гаечный ключ с привязанным к нему обрывком веревки – наверное, служил кому-то якорем. За веревку и поймался.

Куда поехать – вот вопрос. Мещерские озера? Валдай? Или махнуть в Астрахань, истинный рай для рыболова? А может, раздухариться и отправиться в сибирскую глухомань за тайменем? Адское искушение. Но без компании трудно, а где она, компания? Кто где. Один на Черном море пузо греет, другой занимается тем же на критских пляжах, третий работает, проклиная жару, и отпуск у него осенью, а четвертый жениться собрался, приспичило...

И тут же, как в воду глядел, позвонил Иван Шаповаленко, институтский друг. Не желаешь ли, мол, присоединиться? Водный поход. Нет, не в Сибирь, а на Кольский. Через неделю. Подумай, а? У нас тут на одном катамаране некомплект, трое всего. Не все же тебе спиннингом махать – веслом помашешь. Ха-ха. Нет, ну и спиннингом тоже, конечно. Будешь у нас штатным рыболовом. Хариус, кумжа, щука. А знаешь, какая щука на Севере? Думаешь, она тиной пах-

нет? Ага, как же. В копченном виде – язык проглотишь. Но главное там хариус, конечно. Что?.. Лицензию купим, на что нам разборки с рыбнадзором? Что-что?.. А не надо тебе никакого снаряжения, кроме рюкзака и спальника. Все остальное будет. Маршрут? Да нет, не самурайский маршрут, ничего особо сложного... Ну так как? Подумаешь? А чего тут думать?..

Иван был маньяк, его игрушками еще в студенчестве были речные пороги в северном безлюдье. Он и жену себе нашел такую, для которой только в походе и жизнь, а в Москве – выживание. Их сыну было пять лет, и первый свой поход он совершил, еще не умея ходить, а второй – еще не просясь на горшок. Родители выращивали из сына чудовище, для которого река без порогов – просто канава и лес не лес, если он не тайга.

Ясно было: Иван ни за что не позвонил бы, будь в сборе вся его компания маньяков. Наверное, на сей раз кто-то не смог присоединиться. Вот Иван и кинулся обзванивать тех, кто в принципе способен отличить весло от компьютерной мыши. Грести втроем на четырехместном катамаране, наверное, неудобно...

То ли лестное предложение, то ли несколько обидное – сразу и не разберешь.

И не надо разбираться.

Уже хотелось ехать. Сергей сказал «подумаю» лишь в силу привычки тратить на маломальски серьезные решения более одной минуты. Глубоко в душе нежно запели скрипки и флейты. Плеск воды! Водовороты за веслом. Белые ночи. Суматошные всплески рыбы, заглотившей приманку! Посиделки у костра!

Романтика, однако.

До Кандалакши добрались на машинах за двое суток. Тубус со спиннингами торчал из заднего бокового окна. Оставив личный транспорт, наняли помятый автобус с изображением розовой пантеры на боку и покатали к реке. На грунтовке начали считать подосиновики по обочинам. Сбились со счета. Грунтовка завела в заболоченный лес. Накрапывал дождь. Автобус выл, буксовал, швырял из-под колес грязь, и пантера уже не была розовой. Дважды останавливались и высылали Ивана на разведку: та ли грунтовка? Оказалась – та. Приехали.

Первым делом Сергею захотелось укатить обратно. Холодный дождь перестал крапать и полил всерьез. Вершины елей цеплялись за перегруженные ледяной влагой облака. К лешему такую романтику! Сначала ставили тент, потом таскали под него неподъемные рюкзаки, потом принялись ставить палатки. Почва хлюпала и пузырилась. Покончив с палатками, эти ненормальные с шуточками и прибаутками приступили к сборке плавсредств. Пришлось помогать – иного поведения здесь не поняли бы. Потом пришлось искать, пилить и таскать дрова. Какая уж тут рыбалка! До ужина Сергей не имел свободной минуты, а после – сил. Звенело в ушах от радостных воплей малолетнего чудовища – Иванова отпрыска. Этот хомо супер ощущал себя в своей стихии.

Утром дождь сделал паузу, но с Хибин по-прежнему тянуло холодной сыростью. В озерной воде Сергей рассмотрел свою веснушчатую белобрысую физиономию, а помимо нее – только дно, безжизненное, как марсианская пустыня. Ни водорослей, ни мальков. Ледяная вода казалась дистиллированной. Птицы, и те не летали над озером. Вызвав смех, Сергей поинтересовался, не море ли это Лаптевых.

Минуло еще два дня, наполненных борьбой за жизнь. Сергей скучнел. Под проливным дождем проходили какие-то озера и какие-то пороги, где гребцов заливало по грудь, а пена била в морду. Капитан орал команды – Сергей не понимал их. На пороге Падун он выпал за борт и, вероятно, утонул бы, не зацепись ступня за коленный упор. Утром – загрузить катамаран. Вечером – разгрузить катамаран. Найти сухие дрова, растущие почему-то в такой дали, что замаешься пробираться туда по тайге, – а ведь потом еще валить сушину, пилить ее на части и переться обратно с бревном на плече! Комарье и гнус – тучами. Свежее медвежье дерьмо невообразимых размеров лежит прямо на тропинке. Р-р-романтика!

Иван ободрял: мол, погода обязательно пойдет на поправку, медведь летом сыт ягодами и на людей не нападает, а впереди такие пороги, что пальчики оближешь, и еще озеро, где на скальном острове древние саами оставили петроглифы...

– Чего оставили?

– Петроглифы. Выдолбили на скальном выходе контуры разных зверей и людей.

– Зачем?

– Из религиозных побуждений. Продвигались на север вслед за кромкой ледника и мечтали, наверное, что тут мигом появится зверье: олешки там всякие...

– Глупости, – буркнул Сергей. – Делать им было нечего – мечтать. Фантасты какие!.. Назови мне хоть одного фантаста-лопаря. Я знаю, зачем они на самом деле долбили камень.

– Ну и?..

– Они грелись.

Иван ржал. Сергей стучал зубами.

На третий день наметилось улучшение: встали на дневку. Шумела река, впадая в очередное озеро длинным порогом. Мрачные ели исчезли, сменившись веселым сосняком. Облачность рассеялась, открыв наконец Хибины – скорее холмы, чем настоящие горы, но с пятнами снежников на склонах. Это в августе-то месяце! Какой дурак выдумал байку про глобальное потепление?! Вот они – зародыши будущего глобального ледника. Отсюда и поползет.

– А чтой-то мы рыбу не едим? – поинтересовался за завтраком Иван.

И вот Сергей стоит по пояс в воде. Над ним – комариный столб. Вода обжимает резиновые штаны, и рыбаку кажется, что он вмерз в глыбу льда. А еще кажется, что в такой воде могут жить только пингвины.

Озеро – нулевой эффект. Заливчик в конце порога – нулевой эффект. Даже меньше, чем нулевой, поскольку потеряна хорошая блесна – фирменный «меппс», не китайская подделка. Чуть выше вдоль порога – нет ничего.

В море Лаптевых, наверное, больше рыбы!

– Сходи в начало порога, – посоветовал Иван. – Знаешь, где спокойная вода становится текучей. Там, бывает, стоит хищник. Не, я с тобой не пойду, у меня левый баллон травит, клеить буду...

Сергей пошел. Порог был с полкилометра длиной, по его берегу шла тропа. Справа – кустарник стеной, слева – беснуется вода, а под ногами... под ноги только и смотри, не то покалечишься. Маленькие камни торчат, как драконьи зубы, большие – как надолбы. И все до единого скользкие, будто намыленные! Противопехотное заграждение, да и противотанковое тоже. Ни немцы, ни финны сюда в войну не дошли, а дошли бы – не обрадовались.

Он осатанел, пока доплелся до начала порога. Дважды падал. Изрыгал хулу по адресу природы, Ивана и – самокритично – в свой собственный адрес. Но дошел – и был вознагражден.

Ах, как поет душа спиннингиста, когда в толще дивно прозрачной воды, неся во рту золотистый лепесток блесны-вращалки, едет к берегу уловленный хариус, встопорщивший плавник-парус! Один, второй, третий... десятый! И какие здоровенные! После двенадцатого Сергей решил, что на сегодня хватит. Кулан весил килограммов семь, а самая крупная рыбина тянула, наверное, на килограмм. Есть-таки счастье в жизни! Оно существует!

Пробираясь вдоль порога к биваку, он внимательно смотрел под ноги – потому и обнаружил опасность нюхом. В ноздри ударил тяжелый и резкий запах зверинца.

Сергей замер. Поднял голову. Прислушался: не хрустнет ли где ветка?

Нет, не хрустит... Хотя что услышишь за шумом порога? Бурлит, сволочь.

С минуту Сергей простоял на месте, дрожа и соображая. Слева в кустах кто-то был, и, скорее всего, этот «кто-то» был не «кем-то», а натуральным медведем. Чем больше зверь, тем сильнее он воняет, скунсы не в счет. Человек в этих зарослях запутается в два счета, а медведь проломит их с легкостью. Выскочит вдруг – и что делать?

Бросать людоеду рыбу, а самому прыгать в порог. Он хоть и длинный, да не самый убийственный, авось не размолотит в кашу. Не должен. Как там говорил Иван? Если свалился в пороге с судна – плыви на спине ногами вперед и не дергайся. Да, но то в спасжилете...

Додумать Сергей не успел, а если бы и успел, то все равно пришел бы к выводу: иных вариантов нет. И когда слева пугающе затрещали кусты, он швырнул спиннинг в одну сторону, кукан в другую и в два прыжка оказался...

...на сухом песке. Над головой пылало обжигающее солнце. Было очень жарко.

Чтобы сойти с ума, нужно какое-то время. У Сергея его не было – или ему лишь казалось, что не было. Он просто взвизгнул и забарахтался в горячем песке вместо холодной воды. Немедленно и жестоко в кожу впились колючки сухих стелющихся растений.

Сколько времени корчился Сергей на песке, он и сам не сумел бы сказать. Впоследствии ему казалось, что очень недолго. Он почти убедил себя в том, что сразу осознал, где находится. Точнее – где *не* находится в своем капроновом обмундировании и резиновых штанах. На Кольском полуострове он не находится, потому как где Кольский, а где жаркие пустыни?!

Поняв это, он испугался вторично. И сильнее, чем в первый раз.

В полукилометре от Сергея на выкрашенной под цвет песка дозорной вышке скучали двое. Старший, одетый в хорошо известную обитателям Центрума пограничную форму с двумя шевронами на рукаве, чутко дремал, привалившись спиной к ограждению и сдвинув кепи на лоб. Второй пограничник, одетый так же, но с одним шевроном, держась в тени и медленно поворачиваясь по часовой стрелке, вел круговое наблюдение. Несмотря на темные очки, он щурился от яркого света. Посередине площадки на высокой треноге скучал пулемет. Четырехскатная дощатая крыша защищала от солнца лишь его казенную часть, а на стволе висела линиялая тряпка. Все равно пулемет раскалился так, что не притронешься.

Сухая пустошь, чего уж там. Дозорные сменяются здесь через шесть часов, и каждой паре дозорных полагается бидон с водой. Иначе не выдержать.

Поганое место. Но бывают местечки и похуже.

Двухшеvronный пограничник засопел носом. Одношеvronный быстро оглянулся на него: не свалится ли с вышки, если совсем заснет? Были прецеденты. Но старший в дозоре лениво дернул щекой, показывая: не спит.

Тогда одношеvronный посмотрел на часы. До смены оставалось три часа сорок минут.

Ох, жизнь...

Признан непригодным к оперативной работе – терпи, страдай. Оперативники, может, больше страдают, зато им не так скучно. Через год надо будет вновь подать рапорт...

Он потянулся к бидону.

– Не пей, – сквозь зубы проговорил старший, не раскрывая глаз. – Терпи, сколько сможешь, потом позволь себе три маленьких глотка и снова начинай терпеть. Так легче будет.

– Мне уже не терпится.

– Это тебе так кажется. Оттого-то у тебя спина мокрая и подмышки хоть выжимай. Думаешь, потному легче?

Одношеvronный замолчал. Бросил страстный взгляд на бидон, шевельнул наждачным языком, сглотнул всухую.

Продолжив наблюдение, он теперь медленно поворачивался против часовой стрелки – для разнообразия.

И вдруг – икнул от неожиданности.

– Погляди-ка...

Через два бархана, на третьем извивалось на песке нечто человекообразное.

Двухшеvronный разлепил веки и надел темные очки. Вгляделся – сперва так, потом через бинокль.

– А, ерунда, – сказал он, без спешки разворачивая пулемет. – Контрабандисты дрессируют нового проводника. Слышь, тряпку сбрось.

– А может, наши?

– Если наши, то почему он без инструктора?

– А если контрабандисты, то почему один?

– У них по-всякому бывает, – сказал двухшеvronный, передвигая прицельную планку на нужное деление. – Шайка шайке не указ, общих правил у них нет. А может... – Он задумался. – Может, это вообще уникум-самородок, сам сюда попал, своей волей. Говорят, такое бывает. Видишь, бесится. Ни шиша не понимает, значит. И все же, – он взял цель на мушку, – порядок должен быть...

Но прежде чем он успел согнуть палец на спусковом крючке, цель исчезла.

– Ну вот... – разочарованно протянул одношеvronный.

Его старший товарищ все-таки дал короткую очередь – так, для порядка.

– Ничего не «вот», – сказал он. – Молодой ты еще, службы не понимаешь. Я же говорю: ерунда. Вот ежели шайка сюда сунется, да с оружием, да ночью, когда ни хрена не видно, тут уже будет не ерунда. А этого надо было пугнуть... Вот что, давай-ка водички попьем. По три маленьких глотка, не забыл?

– Помню... А сообщать об инциденте будем?

– А как же! Наши на заставе пальбу, поди, услышали...

Молодая медведица вовсе не собиралась нападать на Сергея. Как большинство зверей ее породы, она сторонилась двуногих и не приближалась к местам их скоплений в каменных либо деревянных прямоугольных сооружениях, а наезженные дороги пересекала лишь в крайнем случае. Иван был прав: начиная с конца июля медведица питалась главным образом ягодами, благо черники, голубики и морошки в лесах и на болотах созрело предостаточно. Но ягодная диета рано или поздно надоедает даже медведю, как гораздо быстрее она надоела негру Джиму на острове Джексона. Иногда кое-чем можно было поживиться на озерном берегу, после того как пропахшие дымом двуногие, переночевав, паковали в тюки свои матерчатые домишки и уплывали вниз по реке. Медведица научилась вылизывать консервные банки, с аппетитом поедала выброшенные под куст остатки каши. Но рыба!..

Медведица знала ее вкус. После весеннего разлива, затапливающего низкие острова, на них оставались озерки глубиной по колено. Переплыв на такой остров, медведица оставалась там до тех пор, пока не вылавливала всех до единого щурят. К середине лета этот источник пищи иссякал.

И вот – знакомый, манящий запах...

Она рискнула выйти из укрытия. Двуногий с невнятным воплем сиганул в воду, и вся его добыча досталась медведице. Она могла бы преследовать человека в быстрой мелкой воде, но зачем? Ну их, этих двуногих. От добра добра не ищут.

Она с наслаждением понюхала связку рыбы и принялась жадно есть. Речной порог уносил барахтающегося двуногого, но последний больше не интересовал медведицу. Она не обратила внимания на то, что двуногий внезапно исчез, а спустя полминуты вновь явился ниоткуда и понесся, влекомый потоком.

Мелочь, не стоящая медвежьего внимания.

– За город желаете? – спросил извозчик.

– За окраину, недалеко, – уточнил Теодор.

Лошадка рысила довольно бодро, коляска катилась мягко. Вскоре и впрямь выехали из города. Мостовая кончилась, пошла хорошо укатанная грунтовка. По обе ее стороны расстились консервные плантации. Сладкие, с приятной кислинкой, плоды консервного кустарника,

одетые в плотную кожуру, отличались изумительной лежкостью, поэтому никого не удивляло, что жестяные, фабричного производства, банки с пищей также именуются консервами. Сейчас плоды на деревьях только завязывались, и земля была розовой от опавших лепестков. Дней через сорок кусты сбросят созревшие плоды и пожелтевшие листья, умрут и вновь зазеленеют, воскреснув. У растений свой цикл смерти-возрождения, но жизнь, обновляясь, торжествует везде и всюду.

Против воли Макс залюбовался лепестками. Плантация еще не была природой, но была ее подобием. Но случается, что и подобие бывает не хуже оригинала. «Надо бы Марту сюда вытащить», – подумал он и вспомнил, что с Мартой, пожалуй, кончено. Или все-таки дать ей еще один шанс?

– Если желаете еще дальше, то за дополнительную плату, – сказал извозчик, проехав с километр. – Рядились-то не так...

– Спасибо, мы уже приехали. Ждать не надо.

Расплатившись, Теодор весело соскочил на дорогу. Вылез и Макс. Извозчик развернулся и укатил в город, удивляясь, наверное, седокам, выбравшим столь странный маршрут. Вокруг не просматривалось никаких строений, и дорога, сколько хватал глаз, была пустынна.

Чем не место для ограбления или еще чего похуже? Макс на всякий случай насторожился.

А Теодор весело помахал ему: за мной, мол, – и двинулся по розовым лепесткам меж кустов. Шел аккуратно, стараясь, чтобы ветки кустов не цеплялись за пиджак, а иные веточки и придерживал, чтобы не хлестнуть ими Макса. Отошли шагов на сто и остановились в ничем не примечательном месте.

– Это здесь? – саркастически осведомился Макс.

– Это где угодно, – хмыкнул Теодор. – Я всего лишь не хотел, чтобы нас было видно с дороги. Ну-с, мне пора переодеться.

– Зачем, простите?

– Не думаете же вы, что в том мире, куда мы отправимся, носят то же самое, что здесь! Я не хочу, чтобы на меня пялились, как на диковинную птицу.

Из саквояжа появились две бесформенные куртки болотного цвета с разводами, две пары ужасающих штанов того же колера и странная обувь. Теодор без промедления принялся снимать свой приличный костюм. Макс только моргал.

– А вам, кстати, тоже надо переодеться, – сообщил Теодор, снимая брюки и прыгая на одной ноге.

– Виноват, я не собираюсь... – пробормотал Макс, отступив на шаг.

– А посмотреть иные миры вы собираетесь? – рассердился Теодор. – Убедиться в том, что новоприбывшие несут не бред, а истину об иных мирах, вы собираетесь? Чего ради вы согласились поехать со мной, как не для того, чтобы лично поглядеть на соседний мир? Для кого я тащил все эти вещи?..

– Да, но...

– Никаких «но». Или вы сейчас же переодеваетесь вот в это, или одно из двух: либо вы возвращаетесь в город и начинаете горько жалеть об упущенной возможности, либо я беру вас с собой в том, в чем вы есть, – а это небезопасно. Можно, правда, переодеться на той стороне, но здесь будет разумнее. Ну? Что вы решили?

– Ничего... – Макс колебался.

– Так решайте скорее! У вас много свободного времени? Лично у меня его мало!

Нет, не походил Теодор на грабителя. Любитель плоских шуток? Тоже вряд ли... Еще немного поколебавшись, Макс снял пиджак и принялся развязывать галстук.

С одеванием возникли проблемы. Теодор помог справиться. Сам он теперь выглядел редкостным чучелом, и Макс, понимая, что сам выглядит так же, ощущал себя полным идиотом.

Оба костюма Теодор, тщательно сложив, убрал в свой объемистый саквояж, но прежде достал с его дна несколько металлических деталей зловещего вида. Щелк, щелк, щелк – и собрал из них коротенький карабин с непропорционально длинным вместилищем для патронов, торчащим из ложа вниз.

По спине Макса пробежал холодок. А Теодор повесил оружие на плечо и ухмыльнулся.
– Попробуем просто так сначала. Но если не получится...

Не договорив, он устоял на ближайший консервный куст. Несколько мгновений напряженно смотрел, затем сделал некий пасс рукой – и обмяк.

– Просто так не выходит. Ударьте меня по щеке.

– Что?

– По щеке меня ударьте. Так надо.

Макс покосился на карабин Теодора. Теперь у него не осталось сомнений: он имеет дело с сумасшедшим. Говорила же Марта, твердили и другие здравомыслящие люди: поиск странного до добра не доведет...

– Я сегодня уже умирал, – мягко сказал он, стараясь не терять достоинства. – Поверьте, я не имею никакого желания умирать сегодня второй раз. Если вам нужна моя одежда...

– Не нужна! – рявкнул Теодор. – Бейте!

– Но я не хочу...

– А увидеть другой мир вы хотите? Тогда бейте. Ну?

Раскрытой ладонью Макс легонько шлепнул Теодора по щеке. Тот только фыркнул.

– Сильнее! Из всех сил! Смотрите, как надо!

От оплеухи Макса качнуло. В голове будто что-то взорвалось. И в ответ на обиду и боль сработал рефлекс, нормальный рефлекс взрослого мужчины: нападают – дерись. И Макс, уже не думая о том, как неприятно умирать, вернул Теодору полноценную плюху – даже рука заболела.

Теодор зарычал. От бешенства он стал белым, только левая щека краснела, как спелый помидор. Он даже схватился за свое оружие – тоже, наверное, рефлекторно, и Макс ожидал самого худшего, но Теодор лишь выругался на непонятном языке и вновь стал смотреть на куст. Движение рукой в воздухе – и куст заколебался, как воздух над газовым рожком. Подобрал ком земли, Теодор швырнул его в куст. Ком исчез. Куст перестал колебаться.

– Ну что, убедились? Было – и пропало. Но не совсем пропало, а просто ушло в соседний мир. Если привязать какой-нибудь предмет к веревочке и швырнуть его во Врата, а затем вытянуть обратно, пока Врата открыты, то ничего страшного с предметом не случится, и с живым человеком тоже. Входит и выходит, как говорил один философски настроенный персонаж. Желаете взглянуть сами?

Макс колебался.

– Ну же, решайтесь, наконец!

И Макс решился.

– Только сначала вы...

– Чудак человек! – зло рассмеялся Теодор. – Да если я войду во Врата, они же за мной сразу закроются! Пока я здесь, я могу открыть их и держать. Открою – сразу идите и ничего не бойтесь, там чисто. Только это быстро делать надо, долго держать Врата я не смогу. Тут сила нужна и настрой. Может, мне еще одну плюху придется стерпеть... Ладно, открываю!

И когда куст вновь как бы заколебался, Макс шагнул прямо в него.

Вскоре после того как Сергей описал в своем блоге случившееся с ним происшествие (в юмористическом духе, конечно), забанил двух хамов, посоветовавших обратиться к психиатру, и отклонил предложение какого-то графомана писать в соавторстве фантастику, он нашел новую работу. Случилось это так.

– Алло, я говорю с Сергеем Коханским?

– Да. Кто это?

– Меня зовут Родион Романович...

– Раскольников? – хихикнул Сергей.

На том конце мобильной связи помолчали.

– Надеюсь, вы начитаны в более широких пределах? – последовал вопрос.

– Н-ну, Бабеля с Бебелем не путаю. А в чем дело?

– Возможно, я смогу предложить вам работу, – сказал неведомый Родион Романович. – Разумеется, в том случае, если вы для нее подходите. Вы готовы встретиться?

– Кто вы?

– Я же сказал: Родион Романович.

– Хм. Допустим. А дальше?

– А дальше вы узнаете при встрече, если согласитесь на нее. Встретиться можно, например, в летнем кафе напротив вашего дома. Через четверть часа вас устроит? Я помашу вам рукой. Не захотите общаться – просто уйдете, и никаких претензий с моей стороны не будет. Но на вашем месте я бы выслушал, что вам предлагают. Работа, смею вас уверить, интересная и достаточно прибыльная.

– Насколько достаточно? – саркастически осведомился Сергей.

– Хватит и на жизнь, и на некоторые излишки. Само собой разумеется, если вы нам подойдете. И только после курса обучения. Во время обучения – стипендия.

До этих слов Сергей полагал, что его пытаются втянуть во что-то крайне сомнительное, и лишь гадал: почему именно он? Услыхав про стипендию, он и вовсе потерялся. Преступники обычно стипендий не платят.

– А если я вам не подойду?

– Тогда полный отказ от претензий с обеих сторон и небольшая денежная компенсация вам за беспокойство.

– А если вы мне не подойдете?

– То же самое.

– Но...

– Если боитесь, то запишите мой голос на диктофон, оставьте на столе записку и вызовите приятеля, чтобы он незаметно сфотографировал меня. – Последовал смешок. – Неужели вы полагаете, что можете представлять интерес для криминальной структуры? Спешу предупредить следующий вопрос: к госбезопасности я тоже не имею отношения. У нас чисто коммерческая фирма.

– А...

– Подробности при встрече. Если вы на нее согласны, конечно. Ну так что, ждать мне вас?

– Ждать, – решительно ответил Сергей.

Никакой записки он оставлять не стал и приятеля не вызвал. Это выглядело бы глуповато.

Правда, если подумать, согласие на встречу с незнакомым типом, решившим вдруг предложить Сергею (почему ему?) работу (какую?), выглядело, возможно, не менее глупо. Но об этом Сергей размышлять не стал.

Не догадывался он и о том, насколько круто меняет сейчас свою жизнь.

С людьми это иногда случается. Не со всеми, конечно. Кто-то выбирает привычный покой, кто-то – наоборот. А безработному легче ухватиться за шанс. В конце концов, каждый – сам творец своей судьбы. Разве нет?

Какова будет та судьба – это уже совсем другой вопрос.

Сергей пересек улицу и оказался возле кафе. Лето еще держалось, и установленные на асфальте столики под полосатыми зонтами продолжали приносить владельцу доход. Человек, одиноко сидевший за крайним столиком, приветливо помахал Сергею рукой.

– Здравствуйте. – Чуть привстав, он протянул руку. – Я Родион Романович. Присядете? Сергей присел.

– Я заказал кофе и бутерброды, сейчас их принесут. Впрочем, если вы желаете пива...

– Не желаю, – мотнул головой Сергей.

– Ну и прекрасно... А вот и кофе!

Потрепанная официантка появилась кстати – пока она перемещала с подноса на стол чашечки с кофе и блюдо с бутербродами, Сергей изучал Родиона Романовича. Средних лет. Темноволосый. Намечающиеся залысины, легкая седина. В парикмахерской был совсем недавно, причем у неплохого мастера. Очень хороший, но не чрезмерно дорогой серый костюм. Видно, что одеваться мужик умеет, а внимание к себе привлекать не любит. На пальцах ни колец, ни перстней, заковка для галстука изящная и даже вроде золотая, но без камней и не массивная. Вежлив. Аккуратен. Умен – по глазам видно. По ним же видно, что он не собирается немедленно поставить собеседника ниже себя, хотя жестким быть умеет. Что ж, послушаем, что он скажет...

Родион Романович пригубил кофе. Поморщился. Отставил чашечку.

– Я слушаю, – напомнил Сергей.

– Итак, Сергей Анатольевич, как я уже говорил, мы намерены предложить вам новую работу. Точнее – попробовать себя на новом поприще. Мы в курсе, что на данный момент времени вы свободны. Если вы нам подойдете, то вам уже не придется искать новое место. Вы готовы попробовать?

– Хм. А если мне не подойдет ваша работа? И вообще – кто это «мы»?

Родион Романович улыбнулся.

– Отвечаю по порядку. После ознакомления с вашим блогом я был уверен процентов на семьдесят, что вы нам подойдете. После телефонного разговора с вами – примерно на восемьдесят. А в данный момент я уверен в этом процентов на девяносто пять. Думаю, что и вам у нас будет интересно. Теперь второй вопрос. «Мы» – это сообщество людей, занимающаяся определенной деятельностью... Группа на ладан дышащих фирм, живущих преимущественно мелким посредничеством. Это для отвода глаз. На самом деле главное поле нашей деятельности – перевозка грузов...

– Наркотиков?

– Хорошо, что вы спросили. Ни бже мой. Никаких наркотиков, никакого оружия, никаких драгметаллов или камней, никаких радиоактивных веществ, никакой опасной микробиологии. Да, и никакого шпионажа тоже. Мы не нарушаем российских законов... во всяком случае не настолько, чтобы рисковать угодить за решетку. С этим у нас строго. Здравый смысл, знаете ли.

– Тогда что же вы перевозите? Или секрет?

– От вас – какие секреты? К примеру, в последнюю переправленную партию груза входили радиодетали...

– Не понял.

– Радиидетали. Самые обычные, какие продаются в магазине «Чип и дип». Только мы берем их оптом со склада, на чем экономим... Это ведь законно?

Сергей кивнул.

– Далее: несколько десятков килограммов генномодифицированного высокоурожайного пшеничного зерна, устойчивого к засухе и вредителям. Сорт известный, имеется на рынке, но мало кому нужен: обыватель боится. Тоже законно?

– Пожалуй.

– Третье: лекарства. Опять-таки самые заурядные лекарства, свободно продающиеся в аптеках. Это законно и гуманно. Нет?

– Возможно...

– И четвертое: техническая документация. Радиотехнические и электронные схемы плюс чертежи дизельного двигателя на четыреста лошадиных сил, переделанного под горючее на основе растительного масла. В чем тут криминал?

– Э-э... – протянул Сергей. – Насчет дизелей я...

– Этот дизель устарел более полувека назад, – пояснил Родион Романович. – А что касается топлива, то самый первый дизельный двигатель в мире работал не на соляре, а на рапсовом масле. Вижу, вы этого не знали. Можете проверить – вдруг я лгу? А можете поверить на слово: никакой технической новизны наш дизель не содержит в принципе.

– Тогда... – Сергей механически отхлебнул из чашечки. Вполне приличный «эспрессо», и чего этот Родион Романович морщился? – Тогда... куда вы все это перевозите? И кому нужно такое дерьмо?

– Еще более правильный вопрос. То, что для одних дерьмо, для других сокровище. Капитан Кук торговал с полинезийцами гвоздями и цветными бусами. А мы доставляем грузы в Центрум.

– Куда?

– В Центрум, или Центральный мир, – я не имею в виду витаминные таблетки с тем же названием. Туда, где вы побывали сами – если, конечно, вы не сочинили всю эту историю с медведем, чтобы развлечь читателей вашего блога. Но ведь вы ее не сочинили, не так ли? Кстати, а зачем вы вообще рассказали об этом случае в блоге?

– Надо же о чем-то туда писать, – хмыкнул Сергей.

– Я так и думал. Однако примите совет на будущее: поменьше саморекламы. Мы наткнулись на ваш блог во многом случайно – и так же случайно на него могут наткнуться пограничники.

– Какие еще пограничники?

– Пограничники Центрума. Наши естественные противники. Видите ли, по их мнению, мы – контрабандисты, причем злостные. Как увидят – дергаются, а бывает, и стреляют.

– А вы?

– А мы и есть контрабандисты. Какой смысл отрицать очевидное? Но от нас людям польза.

– Я не о том. В вас стреляют – а вы?

– Случается. Но чаще проскальзываем незамеченными.

– Хм, значит, законы вы все-таки нарушаете? Хотя бы в этом вашем Центруме...

Усть Родиона Романовича не получилось. Он просто пожал плечами.

– Там много законов. У каждой территории – свой. У железнодорожников – свой. У бандитов – свой. У хуторян и кочевников вообще никаких законов, только обычаи. А у пограничников – свой закон. Какой-нибудь да нарушишь. Но дело того стоит. Я вас заинтересовал?

– Еще не знаю...

– Понимаю. – Легонько кивнув, Родион Романович взял бутерброд. Критически осмотрел его и вернул на блюдо. – Понимаю, потому и не тороплю с ответом. Вам еще многое непонятно, и мне, кстати, тоже. Вы не находите, что теперь мой черед задавать вопросы?

– Спрашивайте.

– Я бы хотел, чтобы вы рассказали мне о вашем путешествии на Север с самого начала. Эпизод с неудачной рыбалкой осветите как можно подробнее.

– Рыбалка как раз была удачной...

– Ну-ну, не цепляйтесь к словам. Я слушаю.

– Значит, так...

Почему бы и не рассказать? Постепенно увлекшись, Сергей изложил все, что помнил о походе: и о медведе, и о том, как прямо из пустыни вновь выпал в порог и едва не утонул, но все-таки не утонул, и о том, как следующим утром, вооружившись на всякий случай топором,

вернулся за брошенным спиннингом, и о чудесной ловле хариуса на Жемчужном плесе после Семиверстного порога, и о жареных грибах, надоевших под конец маршрута, и о насквозь просвистанных ветрами озерах, и о сломанном весле, и о петроглифах, и даже о небольшой треске, пойманной в Белом море на самую заурядную блесну-колебалку. Родион Романович слушал внимательно, временами побуждая к продолжению рассказа уместными вопросами. Крепло ощущение, что ничего нового из рассказа он не почерпнул, однако слушал без видимой скуки. Сверял с блогом, что ли?

А под конец вынул распечатанный на принтере космический снимок.

– Тот порог?

Разрешение было не ахти, но место опознавалось уверенно. Вот одно озеро, вот другое, между ними порог, а вот тут удобная для бивака полянка. На ней и стояли...

– Тот.

– Вот вам фломастер. Можете показать место, где вы открыли Проход? Хотя бы приблизительно.

– Здесь. Точно не скажу, но в этих пределах... – Сергей очертил кружок. Затем выпучил глаза. – Да, а что значит «я открыл»?

Родион Романович улыбался чуть снисходительно, но в общем по-доброму.

– Это значит, что именно вы открыли Проход в Центрум. Судя по вашим словам, вы оказались на Сухой пустоши или, может быть, в барханнике к югу от Белого хребта. Гор там на горизонте не было, не заметили?

– Вроде не было. По-моему, вышка какая-то была...

– Значит, Сухая пустошь. А вы, по-видимому, решили, что вас занесло в Сахару или Каракумы? Нет, Сергей Анатольевич, вы были в Центруме, причем не в самом приятном его месте. Но это не имеет значения. Главное – вы латентный проводник. Вы всегда им были, а в критический момент сумели стать реальным проводником. Это качество можно развивать. Желаете?

– А... если нет?

Теперь Родион Романович усмехался довольно обидно.

– Что ж, если вам по душе планктонная жизнь, то всегда можно найти работу в офисе. Будете являться на службу к установленному часу, терпеть давку в метро или пробки на дороге, соблюдать дресс-код, заниматься нелюбимой работой, а когда начальство не видит, исследовать сходимость пасьянса «Паук». Каждый рабочий день вы с нетерпением будете ждать шести часов, чтобы поехать домой, где тоже ничего интересного. Из дня в день, из года в год вы будете убивать время – ваше время! И вы ужаснетесь, подумав о старости, когда вас неизбежно одолеют горькие мысли об упущенных возможностях. Ну как? Привлекательно?

Сергей молча покачал головой.

– То-то и оно. Вам выпал шанс круто изменить свою жизнь и притом сделать ее гораздо полнее. Что может быть лучше, чем прожить интересную жизнь? Многие идут к ней годами тяжких усилий, и не все доходят. Вам же она предлагается даром – берите! Ну и материально... не обидим.

Сергей продолжал молчать.

– Понимаю, – сказал Родион Романович. – Вы пытаетесь уловить, в чем тут подвох. Если я начну уверять вас, что никакого подвоха нет и в помине, вы мне, разумеется, не поверите. Сделаем так. Вы попробуйте. Только попробуйте и, если не понравится, сможете дать задний ход. Мы не слишком боимся распространения информации. Начни вы болтать – и вас тут же примут за еще одного чокнутого искателя аномальных зон, снежных людей, лох-несских чудовищ и барабашек. А кроме того, вы можете привлечь к себе внимание пограничников Центрума. Они работают в разных мирах, порой жестко... Вы умный человек и болтать не станете. Ведь так?

И пришлось признать: так. Экая сладкоголосая сирена с железной логикой! Собеседник умел выбрать нужные слова.

– А вы, – спросил Сергей, – тоже проводник?

Вместо ответа Родион Романович несуетливо оглянулся – не видит ли кто? – и уставился на столешницу. На его лбу выступили бисерины пота. Прошло несколько секунд – и воздух между чашечкой с остывшим кофе и блюдом с нетронутыми бутербродами как бы заструился. Если приглядеться – а время приглядеться было, – струение наблюдалось лишь в области не более десяти сантиметров диаметром. Подождав, Родион Романович брезгливо снял пальцами с крайнего бутерброда колбасный кружок и кинул его в струение.

Кружок исчез. Струение тоже. Родион Романович вынул платочек и промокнул лоб. Тем же платочком тщательно вытер кончики пальцев.

– Теперь колбаска в Центруме. Может быть, достанется какому-нибудь зверьку. Я все думаю: не тем ли же путем кто-то послал известной вороне кусочек сыра? Шучу. Кстати, вы в каких войсках служили срочную?

– Я не служил...

– Понятно. Значит, не имели отношения к погранвойскам?

– Ни боже мой. А что?

– Ничего. А к железной дороге?

– Тоже. Хотя... занимался лизингом вагонов.

– И то хлеб. Стало быть, вы знаете, что вагоны обычно движутся по рельсовому пути?

Сергей неуверенно хохотнул.

– А по чему же еще они могут двигаться?

– Бывает... – раздумчиво произнес Родион Романович. – Иногда, знаете ли, они движутся вниз по насыпи, а то и кувырком по воздуху. Когда сходят с рельсов.

Вроде опять шутил. А может, и не совсем шутил.

Глава 3. Адреналиновый

– Это что, клиника? – спросил Сергей, покрутив носом. В окруженном соснами здании, похожем по виду на загородный коттедж успешного бизнесмена, отчетливо пахло лекарствами и дезинфекцией.

– Частная, – пояснил Родион Романович. – Очень небольшая и очень хорошая. Надеюсь, в качестве пациента вы сюда не попадете. Здесь мы лечим тех, кого по тем или иным причинам не можем чинить легально. Бывают, знаете ли, случаи...

– Например?

– Например, огнестрельное ранение, полученное в Центруме... Но вы не волнуйтесь. Проводники сюда попадают редко: слишком уж они ценны для нас. Как вернется из Центрума группа, если проводник убит? Никак. Она застрянет там на неопределенное время, может быть навсегда. Каждый в группе прекрасно знает: самое ценное – проводник. Почти всегда он ценнее груза. Вас будут защищать, прикрывать собой и так далее, разве что нос утирать не станут. Вам просто не дадут рискнуть головой...

– А если я сам захочу рискнуть – дадут?

– Дадут по шее, – усмехнулся Родион Романович. – Повторяю: проводник слишком ценен. Хотя я привел вас сюда именно к проводнику... Алексей Захарович, вы не против?

Низенький человечек в бледно-зеленом халате, такой же шапочке и круглых очках на толстом носу с неохотой отвлекся от изучения сложных кривых на экране компьютера.

– К Фантому?

– Так точно.

– Бахилы наденьте.

Кивком головы Родион Романович пригласил Сергея следовать за ним. Пришлось и вправду надеть бахилы ради каких-нибудь двадцати шагов до крайней палаты направо по короткому коридору. В ней царил полумрак. На единственной койке, снабженной архитектурными излишествами медицинского назначения, лежал большой костлявый человек. Глаза его были закрыты, на подбородке росла щетина. Острый нос напоминал горный пик, в ноздрю-пещеру уходила трубочка. От присосок и пластырей на теле больного шли многочисленные провода, и по экранам бежали кривые, похожие на колючую проволоку.

– Ну здравствуй, Стас, – негромко сказал Родион Романович.

Лежащий не ответил.

– Он не слышит, – чуть повернувшись к Сергею, пояснил Родион Романович. – Он уже третий год в коме. Лучший из всех проводников, каких я знал. Знаменитый Фантом, проводник-универсал экстра-класса! Не уберется... Спас группу, открыл Проход, вышел сам – и упал. С тех пор... вот. Лежит здесь.

– Все-таки пугаете? – спросил Сергей.

– Какой мне смысл вас пугать? Уж гораздо логичнее было бы врать вам, что опасности ровно никакой. Но – зачем? Либо человек идет к нам, четко понимая все вероятные выгоды или издержки такого шага, либо он нам не нужен, и мы расстаемся... Но я привел вас сюда, чтобы вы кое-что увидели. Сейчас...

Он щелкнул выключателем. Зажегся плафон, стало светлее.

– Теперь смотрите внимательнее. Хорошо бы еще пустить сюда немного дыма или пыли, но, по-моему, и так видно. Вот один, вот другой... что-то мало... А, вот и третий, на полу перед вами! Четвертый!..

Теперь Сергей увидел. Маленькие области такого же струения воздуха, в каком по прихоти Родиона Романовича сгинул кружок колбасы, окружали лежащего. Одна действительно

располагалась прямо на полу, три других зависли между полом и потолком. Одна из них медленно дрейфовала. В самую крупную можно было засунуть руку.

– Это Проходы, – сказал Родион Романович. – Видите? Не знаю, какие сны видит Фантом и какие вообще сны могут присниться человеку в коме, но Проходы он генерирует постоянно. К счастью для него и для нас – очень маленькие, кто в Центруме их заметит? А в лучшие свои годы он, бывало, открывал Проход пятиметрового диаметра... Впрочем, сейчас для вас важнее другое: вы лично убедились, что проводник в принципе способен открыть Проход в Центрум и в бессознательном состоянии. Теоретически мы допускаем, что проводниками могут быть даже животные – естественно, имеющие достаточно развитый мозг и начатки сознания. Слоны, дельфины, шимпанзе – почти наверняка. Со временем мы, возможно, начнем исследования в этом направлении... хотя надо сказать, что раз уж среди людей талант проводника встречается весьма редко, то в животном царстве, несомненно, гораздо реже. В мире может просто не оказаться такого количества слонов, шимпанзе и дельфинов. И еще: чтобы открыть Проход, мало голого таланта и желания. Обычно не хватает и мотивации. Нужен определенный настрой – индивидуальный для каждого проводника. Скажем, вы, по всей видимости, адреналиновый проводник. Это не так плохо. Встречаются более экзотические варианты...

Сергей вопросительно взглянул на Родиона Романовича, но тот лишь чуть мотнул головой в сторону двери – пойдете, мол. Ну и правильно. Долой больничный запах. Надоел. Глаза бы не видели зеленые халаты. Врач должен ходить в белом. Люди в белых халатах – звучит? Звучит. Когда белые халаты сменились зелеными, зачем?.. И в чем смысл?.. Будь его воля, Сергей разрешил бы носить зеленое одним лишь прозекторам.

Вновь оказавшись на природе, он глубоко вдохнул хвойный запах, с наслаждением изгоняя из легких больничный воздух. Уже пахивало осенью – так, чуть-чуть. Пройдет еще месяц, прежде чем березам и кленам захочется сменить зеленый наряд на желтые и красные тона. А пахло все-таки не летом. Не знойным летом. И не холодным летом Заполярья, и вообще не летом. Грибами, что ли? Лесной прелью?

Шелестел ветер. Толстые сосны казались умиротворенными и чуть-чуть печальными. Чувствовалось, что не сегодня завтра зарядят дожди.

Клиника находилась в ближнем Подмоскowie. Где конкретно – Сергей не мог сказать. Ясно было лишь то, что поначалу ехали по Новорижскому шоссе, а значит, направление – западное, популярное у состоятельных людей. Смартфон с навигатором был сдан охране при въезде, и Сергей заявил, что больше не имеет при себе ни навигационных, ни связных устройств. Это было правдой. Кто знает, как здесь принято обращаться с чрезмерно любопытными?

Что захотят – сами скажут. И покажут все, что надо. Если держать глаза и уши открытыми, то соображалка подскажет остальное. Пока же – просто интересно.

И, по-видимому, безопасно, если соблюдать правила.

Относительно, конечно, безопасно...

А где она, абсолютная безопасность? Ее вообще нет, а для того, кому мало обыденности, нет тем более. Особенно если речь идет о проникновении в иной мир. Не в космос, не на дно глубоководной впадины, не на Эверест какой-нибудь – в иную вселенную! Это точно круче, чем космос. Многие ли отказались бы рискнуть?

Хм... вообще-то многие. Но тем хуже для них. Скучные убогие люди, что с них взять. Пусть живут как-нибудь, мечтая лишь о прибавке к жалованью. Биомасса – она и есть биомасса.

И каждому приятно найти зацепку, чтобы не причислить себя к ней.

Размышляя таким образом, Сергей шел вслед за Родионом Романовичем по лесной тропинке. БМВ остался в стороне, из чего следовал вывод: Родион Романович хочет еще что-то показать. Но Сергей помалкивал.

Его спутник тоже. Давеча при встрече в уличном кафе Родион Романович задал на удивление мало вопросов: вероисповедание (неубежденный атеист), сексуальная ориентация (гетеро), наличие хронических болезней (отсутствуют), политические убеждения (живи сам и давай жить другим, а политиков – топить в Марианской впадине). На вопрос о ближайших родственниках насторожившийся Сергей отвечать отказался, и Родион Романович, не настаивая, конкретизировал вопрос: можете ли свободно распоряжаться своим временем, скажем, исчезнуть на месяц-другой? Сергей ответил утвердительно.

На том и кончилось интервью. Положим, кое-какие дополнительные сведения Родион Романович мог почерпнуть из блога, но все равно было как-то странно.

Что-то подсказывало: процесс первоначального знакомства еще не завершен, он продолжается. С какой стати необычная корпорация должна пользоваться обычными методами привлечения новых кадров?

А неслабый у них тут участок! Хоть грибы собирай, хоть в пейнтбол играй, хоть древесину заготавливай...

Еще недавно кощунственная идея насчет древесины не пришла бы Сергею на ум, но после похода с Ивановой компанией маньяков он придерживался убеждения: хвойных лесов мало не бывает. Взбесившейся воды – тоже.

Как в насмешку, зажурчало. Тропинка уперлась в горбатый псевдояпонский мостик над ручьем. Неведомый декоратор извратил его намерение течь спокойно, соорудив цепочку крохотных запруд с миниатюрными водопадами. В ближайшую подпруженную лужу с громким всплеском бухнулась лягушка.

Смахивающая на коттедж клиника давно пропала за деревьями, когда впереди открылась еще одна поляна. Само собой, на ней тоже высился коттедж – повыше первого, трехэтажный. Сергея немедленно посетила мысль о том, что одни слова с течением времени девальвируются, другие же – наоборот. За слово «негодяй» когда-то без долгих разговоров протыкали шпагой на дуэли – теперь, скорее всего, лишь криво усмехнутся. Зато коттедж – лачуга средневекового английского бедняка – за несколько столетий здорово вырос, похорошел и нагло вперся в ту же смысловую нишу, что и «особняк». За обитателем смысловой ниши различался высокий забор, несомненно снабженный сигнализацией и находящийся под видеонаблюдением.

Тоже заурядное явление. Сколько в России таких заборов! Сколько охраны! Где бабло, там и камуфлю, а как же иначе? В подобных местах Сергея всегда одолевала мысль: население страны поделилось на владельцев недвижимости и охранников, а те, кто ни то и ни другое, составляют несерьезное меньшинство. Дикая мысль – но закономерная...

Шагах в пятидесяти от коттеджа как раз трудилась бригада «несерьезного меньшинства»: с полдюжины рабочих занимались укладкой шпал. Шпалы были короткие, наверное, прокладывалась узкоколейка. Вот все шестеро потащили рельс – тоже какой-то несерьезный. Хрена лысого они справились бы с нормальной толстой рельсиной, пупки развязались бы. Ну точно – узкоколейка.

А зачем?

Сергей поморгал на ходу. Конечно, у богатых свои причуды, и если кому-то из них втемяшилось в голову опоясать свои владения железной дорогой и пустить по ней тепловозик с одним-двумя вагончиками, то это его право. Гостей будет катать. Искусственные туннели делает, перебросит через ручей виадук... Еще и кроликов разведет, чтобы гости палили в них прямо из вагонных окон, воображая себя на Диком Западе. При некотором насилии над воображением кролик, наверное, сойдет за бизона...

Но! Во-первых, не похоже, чтобы здесь бесились с жиру, занимаясь подобной ерундой. Во-вторых, почему рабочие кладут шпалы прямо на землю? Где подсыпка, где песок и щебень? Нет, если владельцу хочется, чтобы узкоколейка прослужила от силы один сезон, тогда, конечно, и так сойдет...

Все равно глупость какая-то.

Родион Романович уверенно направлялся к крыльцу. У первой ступеньки обернулся:

– Итак, вы готовы?

– Вы ведь уже спрашивали, – напомнил Сергей. – А я отвечал. Попробовать – да, готов. Мобильник сдал, другого нет. Ни о чем большем мы ведь не договаривались, так?

– Примерно так. Ну, прошу за мной.

Нельзя сказать, чтобы Сергею понравилось это «примерно». Однако он постарался не выдать своих колебаний.

– Родион Романович!

Они обернулись на крик; Сергей – с любопытством, Родион Романович – с недовольной миной.

Откуда только она появилась, эта девушка? Сергей мог поклясться: только что вблизи коттеджа не было никого, кроме рабочих. Однако вот – стоит позади и даже не запыхалась.

Судя по камуфляжу – из охраны. Невысокая, однако и не низенькая. Довольно стройная, хотя и крепенькая. Светлый хвост из-под кепи. Взгляд – ждущий, требовательный и чуть-чуть обиженный.

– Что тебе, Алена?

– Родион Романович, вы же обещали!

– Правда? Что же я тебе обещал, интересно?

– Попробовать еще раз...

От взгляда Родиона Романовича могло бы скиснуть молоко.

– Во-первых, почему ты бросила пост?

– Я не бросила. Сейчас не моя смена.

– Во-вторых, что изменится, если мы попробуем еще раз? Пробовали уже.

– Тогда я была не в форме.

– Десять раз подряд не в форме?

– Не десять, а только восемь...

– В-третьих, я занят. Не видишь?

Сергей не возражал бы познакомиться поближе с такой девушкой – и не видел никакой возможности сделать это. Сейчас он был только помехой, что и подтвердила гримаска досады, появившаяся на лице Алены.

– Может быть, тогда завтра, Родион Романович? – спросила она.

– Разве завтра ты не на дежурстве?

– Я договарюсь, меня подменят.

– Хорошо, – вроде бы смиростивился Родион Романович. – Если я завтра найду время, то... может быть.

– Спасибо, Родион Романович!

Поднимаясь по ступенькам крыльца, Сергей подумал, что девчонка зря старается. Чего бы она ни хотела, на ней, по всей видимости, поставлен крест. Нетрудно добиться определенного впечатления, действуя с нуля, но попробуйка изменить чужое мнение о себе, когда оно уже сложилось! Мнение руководства – тем паче. Вряд ли у кого-то найдется завтра время для этой Алены...

В холле первого этажа было пустынно. Стояла вдоль стен дорогая мебель, висела напротив дивана громадная плазменная панель, в углу скучала кадка с карликовым ливанским кедром, в большом аквариуме недвижно зависла в толще воды шпорцевая лягушка. Еще бы террариум с небольшим крокодилом – и готов малый джентльменский набор нувориша. Странно еще, что крыльцо обыкновенное, без каменных львов... Или слишком банально? Тогда сгодились бы грифоны или сфинксы.

Десятки вопросов теснились в голове Сергея, нетерпеливо отпихивая друг друга, – но разумнее было помолчать. Всегда лучше сойти за молчуна. Болтуны ценятся лишь на эстраде, да и то не всякие.

Родион Романович прошел холл без остановки, свернул налево. За дверью обнаружился маленький спортзал. Низенький лысый крепыш, одетый в кимоно, целился баскетбольным мячом в кольцо.

Бросил – и промахнулся. Сердито цыкнул, раздраженно хлопнул себя по бедру.

– Тигран Арутюнович, можно вас?

Лысый обернулся. Крупным мясистым носом он напоминал сайгака. Внимательный колючий взгляд скользнул по Родиону Романовичу и вонзился в Сергея, как шпага.

– Новенький? Тот самый?

– Тот самый.

– Говорите, адреналиновый?

– Мне так кажется, Тигран Арутюнович.

– Проверим. Как звать?

Сергей назвался.

– Что ж, Сергей Анатольевич, переодевайтесь. А можно просто Сергей для упрощения коммуникации? Можно? Ну вот и хорошо. А я Тигран. Кимоно вон в том шкафу. Снимите часы и вообще все хрупкое.

Стало интересно и немного боязно. Сергей никогда не занимался боевыми искусствами. Если этот носатый Тигран владеет хотя бы дзюдо... гм, придется много падать. Хорошо, что на полу маты сплошным слоем...

Порадоваться как следует этому обстоятельству Сергей не успел. Шкаф, к которому он направлялся, не был ни зеркальным, ни полированным – иначе Сергей заметил бы в отражении неладное. Не слышал он и звука шагов позади – Тигран умел красться бесшумно, по-кошачьи. Так что мощный и донельзя оскорбительный пинок в зад швырнул Сергея в дверцу шкафа совершенно неожиданно.

– Чмо, – с неподражаемым презрением выдохнул Тигран. – Педик. Сопля. Приводят тут всяких говнюков...

Чего угодно ждал Сергей, но не этого. И как бывает от большой растерянности, он моргнул раз, моргнул другой, открыл и закрыл рот, пока подсознание искало подходящий к случаю условный рефлекс. Нашло – и Сергей, сжав кулаки, бросился на обидчика. Волна гнева захлестнула и понесла. Изувечить мерзавца. Первым делом – кулаком по сайгачьему носу, а уж потом...

Тигран беспечно повернулся к Сергею спиной. Воздух перед ним заструился. Тигран сделал шаг.

И исчез. Спустя мгновение Сергей, занесший на бегу кулак, пронесся там, где только что стоял обидчик. Затормозил, обернулся.

Никого...

– Какого хрена... – прорычал он.

И некому было ответить. Родион Романович тоже покинул спортзал. Но он, наверное, вышел через дверь.

Сергей подошел, подергал ручку. Дверь была заперта снаружи.

– Эй, педик, я здесь.

И снова Сергей бросился на Тиграна, неведь как вновь оказавшегося в спортзале. И опять Тигран исчез, оставив Сергея в одиночестве.

Сволочь лысая, квадратная!

Ах, как хотелось нырнуть вслед за ним – в Центр, или куда там!.. Догнать. Настичь, сбить с ног и показать, кто тут педик, а кто нормальный мужик. И пусть там песчаная пустыня – плевать! Сукин сын наелся бы песка от пуза.

Рычащим тигром Сергей метался по спортзалу. Пнул ногой «коня» и едва не сделал то же самое со штангой. Зашвырнул боксерские перчатки в баскетбольную корзину. Еще раз подергал дверную ручку – с тем же успехом. Побарабанил в дверь, покричал.

– Эй, кто там! Родион Романович!..

Ни ответа, ни привета.

– Дверь откройте, уроды!

Никакого эффекта. Он был заперт, и заперт явно с умыслом. «Замуровали, демоны», – прыгнула на ум цитата, и Сергей с раздражением выгнал ее вон. Цитаты не выручат. Надо думать.

Он еще походил по залу туда-сюда. Затем сел на банкетку. Нужно было успокоиться, у взбешенного человека мысли вертятся исключительно вокруг членовредительства. А это не поможет. Дверь крепкая, ногой ее не выбить. Хотя... можно штангой. Если снять с нее пару лишних блинов, получится вполне подъемное и все же достаточно мощное стенобитное приспособление...

А что потом? В коттедже наверняка еще кто-то есть. По периметру участка охрана. Даже если удастся удрать, то куда обращаться – в полицию? Назовут сказочником, примут за сумасшедшего. Да, а кто потерпевший? Вы? И что вам сделали – пинка дали? Гы-гы-гы...

Да и не получится удрать. Думать надо. Думать!

И первым делом – успокоиться.

Сергей несколько раз глубоко вдохнул и врасстяжку выдохнул. В самом деле, чего беситься? Пинка дали ни за что ни про что? Поглумились словесно? Бывает. Неприятно, конечно, но далеко не смертельно. Запомни – и жди возможности вернуть должок. Если немного подумать, то уже можно торжествовать: носатый этот Тигран улепетнул от расправы. Значит, трусил. Нет? Наверное, трусил. Пожалуй, при встрече будет достаточно унижить его, не калеча...

– А-а, гаденыш, ты еще здесь! – раздался знакомый рык, и Сергей пожалел, что не догадался найти себе здесь какое-нибудь оружие, хотя бы гантель. Тигран был страшен. Больше он не собирался ускользать от расправы в иные миры – напротив, он сам готовился творить расправу: квадратный торс слегка наклонен, руки чуть расставлены, нос торчит вперед, как таран броненосца, и, кажется, вынюхивает добычу.

Нужно было броситься на противника, и Сергей бросился. В следующее мгновение он уже летел куда-то вверх тормашками. Упал на маты, был схвачен и снова брошен.

Он успел подняться на ноги, но Тигран только и ждал этого. Захват, бросок. Попытка встать. Захват, бросок. Еще попытка – и новый бросок прямо в стену. Проклятый дзюдоист играл с Сергеем как хотел. Сам поднял, поставил на ноги – и вновь швырнул.

– Отбивная, – сказал он, гнусно улыбаясь. – Я из тебя кебаб сделаю. Мягкий-мягкий, сочный-сочный. А потом сломаю хребет о колено.

И Сергей понял: ломает.

...Он бежал со всех ног по каменистой пустыне, а за ним гнался Тигран Арутюнович, постепенно отставая и крича на бегу: «Стой, глупый человек, назад! Это же тест, это просто тест! Ты адреналиновый проводник первого рода! Слушай, стой, да? Да стой же, здесь опасно!..»

Теодор лежал мертвым на каменистой земле. Пуля попала ему в верхнюю часть груди, пробила аорту и прошла навылет. Крови вытекло много, и она все еще продолжала вытекать.

Только уже не толчками.

А Макс стоял в оцепенении и смотрел, как, неспешно поднимаясь по склону, к нему приближается убийца.

Все произошло так быстро, что Макс почти ничего не успел понять. Шагнув в консервный куст, он вдруг оказался не на консервной плантации, а на горном склоне – довольно пологом, каменистом, частью голом, а частью поросшем хвойным редколесьем. Далеко внизу в широком русле затейливо петляла мелкая речка. И солнце здесь светило по-другому, и небо синело ярче, и запахи были иные.

Теодор появился следом и первым делом осмотрел окрестности – быстро, но внимательно. Взгляд его стал колючим и цепким. Одно мгновение – и, бросив саквояж, Теодор стремительно метнулся к Макс, одновременно вскидывая странный свой карабин...

Но выстрелить уже не успел. Вскрикнул и упал навзничь. Выкатил глаза, подергал ногами и затих.

Макс твердо знал: в таких случаях надо звать полицию. Преступник будет схвачен, осужден и проведет за решеткой столько времени, сколько понадобится для превращения злобного маньяка в добропорядочного гражданина. Обычно для этого хватает ста, максимум двухсот циклов смерти-возрождения с неизбежным дрейфом личностных качеств. Природа допустила ошибку – природа ее и исправит. Сама. Не нужно ей помогать. Мир устроен очень мудро.

Но где тут полиция?!

Мертвый Теодор смотрел в синее небо. Его убийца приближался, легко одолевая подъем. Это был молодой, куда моложе Теодора, невысокий плотный парень в такой же глупой мешковатой одежде с серыми и темно-зелеными разводами. Из-под выцветшей, когда-то зеленой панамы с обвисшими полями сосульками свисали рыжие патлы. Свое оружие – короткую винтовку с оптическим прицелом – он продолжал держать в руках как человек, готовый в любую минуту к любым неожиданностям.

Макс стоял над телом Теодора. Страха он не ощущал, просто не хотелось умирать. И разумеется, как все нормальные люди, он испытывал отвращение к убийству.

А рыжий убийца, не дойдя трех шагов, заулыбался Макс, как лучшему другу:

– Здорово! Хороший денек сегодня, а? Ты чего такой смурной, не узнал, что ли? Хотя да, не узнал, конечно...

Он тоже говорил с акцентом – куда более сильным, чем у Теодора.

– За что вы его? – спросил Макс.

– Этого хмыря? – ухмыльнулся рыжий. – За то, что посягнул на чужое. За попытку похищения человека. Конкретно – тебя.

– Меня никто не похищал, – возразил Макс.

– Правда? – восхитился рыжий. – Это тебе показалось. Я, если хочешь знать, за этим типом три дня шел, чуть было не перехватил его, да он открыл Портал и нырнул в него. Тогда я решил: здесь дождусь. Ну и дождался, хе-хе.

Печаль, гнев и гадливость – вот что испытывал сейчас Макс. Хиханьки казались более чем неуместными.

– Вы убили человека, – напомнил он. – Хорошего человека, который пытался спасти меня, закрыть собой...

– Ты не понял, – возразил рыжий. – Твой Теодор кинулся к тебе не потому, что хотел закрыть тебя собой. Совсем наоборот, он собирался закрыться тобой – понимал, гад, что в тебя я стрелять по-любому не стану.

– Не верю, – объявил Макс.

– Да? По-моему, глупо заявлять о недоверии, если не можешь проверить. А ты можешь? Макс указал на распростертое тело.

– Через час он воскреснет, и я его спрошу.

Рыжий убийца озадаченно замолк. Потом, сообразив, покачал головой.

– В этом мире он не воскреснет. Никогда.

– Почему? В моем мире...

– Забудь про свой мир, – оборвал рыжий. – Тот мир, который ты называешь своим, – ненормальный, перпендикулярный. У нас его называют Гомеостатом. И вообще он не твой мир и ничей мир. В Гомеостате живут только пришлые. Люди в нем не рождаются, потому что женщины не беременеют. Как может быть твоим мир, где ты никогда не родился?

Макс не стал спорить. Что бы ни говорил Теодор, что бы ни утверждал его убийца, их слова еще не означали, что так оно и есть на самом деле. Иные миры существуют? Очень может быть. Можно даже предположить, что это – другой мир, не тот, что был. Но отсюда еще не следует существование окончательной смерти и какого-то там рождения. Человек вечен, а вечная его изменчивость – честная плата за вечное существование. Это логично, а значит, истинно.

– Насколько я понял, в меня ты стрелять не будешь? – спросил Макс.

Рыжий покачал головой.

– Я – нет. Не для того шел. Но могут начать стрелять другие.

– В меня? – попытался уточнить Макс.

– Некоторые – в нас обоих. Другие – только в меня. Нам придется быть очень осторожными. Но если что – всегда лучше выстрелить первым.

– Как вы в Теодора? – спросил Макс.

– Его звали Теодор? – осведомился рыжий. – Вот уж не думал...

– Вообще-то Федор...

– А, тогда понятно. И что он тебе плел? Что ты русский?

– Он называл меня гейдельбергским человеком.

– Значит, немец, живущий в России? Ага, как же... Ты на себя-то взгляни: волосы темные, череп круглый, морда не тевтонская, а типично кельтская. Ты ирландец, парень, мой соотечественник, родом из Энфилда, и зовут тебя Питер О'Брайен. Во всяком случае, ты всегда отзывался на это имя. А меня зовут Патрик.

– Мы были знакомы? – спросил Макс. Он уже мало чему удивлялся. – А что такое гейдельбергский человек?

– Да вроде житель Гейдельберга... Нет, погоди... А, вспомнил! Это такой доисторический обормот вроде неандертальца или еще похуже. Плюнь.

– Так мы были знакомы? – повторил вопрос Макс.

– Мы с тобой, Пит, так были знакомы, что не один баррель «Гиннеса» вместе выпили. Насчет девочек ты, помню, был не дурак. А сейчас как у тебя с этим делом, а? – Патрик подмигнул, на что Макс пожал плечами. – Да, здорово тот мир тебя уделал, будь я англичанин... Вспоминать себя придется! И вот что я тебе скажу: давай-ка на «ты», как в старые добрые времена!

– Докажите, что мы были знакомы, – потребовал Макс.

– Фото устроит?

Макс повертел в руках дагерротипный снимок. Тоже цветной, он изображал Макса в компании Патрика на берегу какого-то водоема. В воде плавали большие белые птицы с длинными шеями и красными клювами, а на краю снимка фотоэмульсия запечатлела ребенка, радостно бросающего птицам куски хлеба. Рядом с ребенком помещалась мамаша, разрезанная краем кадра пополам.

– Теодор уже показывал мне нечто похожее...

– Фальшивка, – скривил брезгливую мину Патрик.

– А откуда мне знать, что этот снимок – не фальшивка?

– Очень просто. Это не фальшивка, потому что ее показал тебе я, твой старый друг. Мы с тобой, Пит, раз десять вдвоем по Центруму ходили. Напарники! Ты идешь впереди – я твою

задницу прикрываю, я иду впереди – ты мою задницу прикрываешь. Эх, память... Зря, по-моему, тот твой мир Гомеостатом зовется, надо было его Склерозом назвать... Ну да ладно, прибудем куда надо – сам убедишься.

– Я хочу домой, – заявил Макс.

– Ну наконец-то! Ха-ха! Очухался!

Бурная радость Патрика не принесла Максу никакого удовольствия.

– Я к *себе* домой хочу, – сухо сказал он. – В *свой* дом, в *свой* мир. В Гомеостат, как вы его называете. И поскорее. Как мне вернуться туда?

И Патрик перестал смеяться. Вздыхнул. Повесил наконец на плечо свою винтовку. Вино вато развел руками.

– Ты уж не переживай, но... никак.

– Что такое адреналиновый проводник первого рода? – спросил Сергей.

Они сидели в гостиной на втором этаже коттеджа. Все необходимые извинения были принесены, что успокоило Сергея, но мало улучшило его настроение. Сказать по правде, он злился не столько на хозяев с их дикими тестами, сколько на себя. Запаниковал, драпанул, как заяц... Стыдно.

Родион Романович отпил из чашечки глоток кофе. Сергей не заметил особой разницы между тем кофе, что варили здесь, и «эспрессо» из уличного кафе, однако лицо Родиона Романовича выразило удовольствие. Чашечку он держал, картинно отставив мизинец. Поставив на столик, откинулся в кресле. Улыбнулся.

– Как я уже говорил вам, среди людей встречаются проводники разных типов. Чаще всего человек вообще начисто лишен таланта проводника...

– Как Алена? – перебил Сергей.

– Совершенно верно. Как Алена. Вы поняли. Она очень хорошая, очень старательная девушка с некоторыми навыками, полезными для путешествий по Центруму, но увы – талант проводника не входит в число ее способностей. То есть мы допускаем, что теоретически каждый человек является латентным проводником, но вот на практике... Во-первых, латентный проводник еще должен стать проводником реальным и, главное, надежным, что далеко не каждому дано. Не всякого встречного-поперечного имеет смысл учить, да и не всякий умеет учиться. А во-вторых, кому нужен Проход диаметром в пару ангстрем, то есть такой Проход, какой теоретически – повторяю, теоретически! – способен открыть чуть ли не каждый человек? Никому он не нужен. Мы проносим сквозь Проход грузы и проходим сами, а не пропихиваем отдельные молекулы. Хм... быть может, для ученого здесь необозримое поле деятельности, но мы-то ведь не ученые, а коммерсанты. Вас это не напрягает?

– Ну... в какой-то мере.

– Что ж, если вам захочется исследовать сам феномен – пожалуйста! Естественно, не в ущерб основной работе. Никто не станет чинить препятствий – исследуйте! Только не рассчитывайте на дорожную аппаратуру.

– Ладно и так. Но мой вопрос...

– Разумеется. Итак, среди людей встречаются проводники разных типов, и даже в пределах одного типа они очень разные. Наша классификация условна в той же мере, в какой условны все на свете классификации. Чтобы открыть Проход, мало быть проводником – надо еще находиться в определенном, для каждого индивидуальном, душевном состоянии. Чаще всего попадаются адреналиновые и медитативные проводники – их свойства ясны из самих названий. Бывают и куда более экзотические варианты: нетрезвый проводник, медикаментозный проводник, сексуально возбужденный проводник и так далее. Общее у них одно: те или иные железы внутренней секреции вбрасывают в кровь порции тех или иных гормонов. У кого-то это адреналин, как у вас, у кого-то эндорфины и так далее – перечень активных веществ

достаточно велик, а смысл один: все они воздействуют на мозг. Вы ведь, наверное, и сами догадываетесь, что Проход был открыт авральной работой вашего мозга, а не простаты или аппендикса?

– Возможно...

– Нет, это точно. – Родион Романович засмеялся. – Иначе вам придется предположить, что головной мозг – не самый умный орган вашего тела, что несколько обидно... Ну вот. Внутри каждого типа существуют, естественно, таксоны более мелких градаций: подтипы, классы, виды, называйте как хотите, устоявшейся терминологии все равно нет. К адреналиновому типу относятся проводники двух родов: первого и второго. Вы – из первого.

– То есть?..

– То есть вы оказались бессильны открыть Проход в состоянии ярости. Специфические гормоны в вас просто кипели, а толку – ноль. Тигран Арутюнович взбесил вас – а он умеет это делать! – и удрал в Центр. Проход за ним, естественно, тут же закрылся. Вам очень хотелось проломить ему голову?

– Не то слово, – пробурчал Сергей.

– И тем не менее вы не смогли последовать за ним. Он вернулся и повторил опыт – результат оказался тем же, то есть никаким. Так нам стало понятно, что, вы скорее, всего не относитесь к адреналиновым проводникам второго рода. Вы адреналинщик первого рода – приобретаете способность открывать Проходы в состоянии сильного испуга. Ну-ну, тут нет ничего постыдного... Собственно, я догадывался о результатах теста еще до встречи с вами, но согласитесь – то были лишь слова. Я же не видел, как вы удирали от медведя! Ведь надо было проверить, так? Конечно, мы попробуем вас и в других режимах – вдруг вы несете в себе скрытые свойства мультирежимного, а то и вовсе универсального проводника? Это надо выяснить, а при наличии таковых свойств – развить их. Для общей пользы, а?

Сергей молчал – лишь желваки играли. Родион Романович допил свой кофе, причмокнул от удовольствия, вновь откинулся на спинку кресла и беззвучно рассмеялся.

– Понимаю ход ваших мыслей... Но я же говорю: быть адреналинщиком первого рода отнюдь не постыдно. Пугаться опасности – нормальное, штатное свойство человеческой натуры. Уж простите за банальность, важно не то, испытывает человек страх или нет, а то, как он ведет себя при этом.

– А если он бежит сломя голову в паническом ужасе? – тихо спросил Сергей.

– Ну и прекрасно! Главное, чтобы он открыл Проход. Его подержат, пока не пройдет вся группа. Скажу больше: адреналинщик первого рода – это как раз то, что нам надо для работы в Центруме. Некоторые наши сотрудники вообще склонны недооценивать опасность, и чем дольше длится командировка, тем больше они склонны к разгильдяйству и шапкозакидательству. Из-за этого мы порой теряем людей – людей, которые должны были жить! Мы всем говорим: бойтесь! В Центруме для нас нет безопасных мест. Разумный трус порой стоит десятка классных бойцов. Но как приказать людям бояться? Мы впустую сотрясаем воздух, рассказываем новичкам жуткие истории...

– Может, и мне расскажете?

– Вам не надо. Но так и быть, расскажу об одном случае. Вы уже дважды побывали в Сухой пустоши и примерно знаете, какие там места. То песчаная пустыня, то каменистая пустыня, то солончаки. Источников воды нет. Пищи нет. Зимой еще терпимо, а летом даже дышать трудно. Воздушные патрули. Верховые патрули вдоль железной дороги. Песчаные бури. То еще местечко... К сожалению, нам приходится иметь с ним дело. И вот... одной группе не повезло. Она пропала. Мы до сих пор не знаем, что там случилось. Предполагаем, что группа ввязалась в ненужный бой с пограничниками и потеряла проводника. Непростительная беспечность! Много позже в самой глубине Сухой пустоши мы нашли одного человека из той группы... Только одного.

– И что? – с любопытством спросил Сергей.

– Он был таким легким, что его ссохшееся тело я мог бы выжать над головой одной рукой, – сухо сказал Родион Романович. – Он был мумией. Флягу он где-то бросил, все равно в ней не было ни капли воды. А вид фляги, наверное, сводил его с ума. Карабин он не выбросил, но ни в магазине, ни в стволе не осталось ни одного патрона. Зато мы нашли несколько стреляных гильз.

– Он отстреливался?

– Никаких признаков. Предположительно он все-таки сошел с ума. Солнце пило из него влагу, жарило его живьем. Солнце было его врагом. И он стал стрелять в солнце. Стрелял, пока было чем стрелять.

– И умер от жары и жажды?

– Вот именно. Мы тщательно осмотрели тело, прежде чем похоронить. Никаких ранений обнаружено не было.

Сергей помолчал, пытаясь представить себе смерть от жажды, и не представил. Наверное, что-то настолько жуткое, что не всякому воображению под силу. Тогда он допил свой остывший кофе. Н-да... веселенькую перспективу сулит работа на этих... контрабандистов! Тут никаких денег не захочешь.

А с другой стороны, в каждой профессии существует своя техника безопасности. Не ленись выполнять ее требования – и сведешь риск к минимуму.

– А вы, – спросил он, – проводник какого типа?

– Универсальный. – Родион Романович кисло поморщился. – Очень редкий кадр... и почти бесполезный. Потому-то я не хожу в Центр, а выполняю работу менеджера по кадрам: привлечение, обучение, утирание носов... Помните, давеча в кафе я открыл малый Проход?

– Помню.

– Так знайте: я могу открыть Проход практически в любом душевном состоянии и гарантированно удерживать его в течение десяти минут. Но максимальный диаметр открытого мною Прохода не превысит двадцати пяти, максимум тридцати сантиметров. И это мой предел. Кого я могу запустить в Центр – гуттаперчевого мальчика? Таковых у нас нет, да и не требуются.

– Удава, – приснул Сергей.

Родион Романович пристально посмотрел на него и вздохнул.

– Радуйтесь своему таланту, Сергей Анатольевич. Радуйтесь тому, что ваш талант связан всего-навсего со страхом, а не с перитонитом, например. У одного нашего проводника, он теперь ушел на покой, способности возрастали при сильной зубной боли. Понравилось бы вам ходить в Центр с вот таким дуплом в коренном зубе и открытым нервом? Понравилось бы ковырять в дупле зубочисткой, чтобы экстренно открыть Проход? А он это делал! Вынужден был делать!

– Молчу, молчу...

– Это зря. Вас, я вижу, интересует еще многое. Спрашивайте – отвечу. Но, по-моему, вы все еще не слишком счастливы? Это напрасно. С вашим-то талантом... Представьте себе, что вас собрались расстреливать... Адреналиновый всплеск – ого-го какой! Страх – несомненно. И вот вы обращаете вашу естественную психическую реакцию на пользу и делаете то, чего не в силах были сделать целые легионы расстрелянных в разное время людей: открываете Проход и бежите, оставив расстрельную команду в полной растерянности. Плохо ли?

– Предпочел бы обойтись без этого... А если меня перед расстрелом привяжут к столбу?

– Добейтесь, чтобы поставили к стенке. А теперь – спрашивайте!

Глава 4. Учение – свет

Если человек, как утверждают мизантропы, в основе своей скотина, то он пластичная скотина. Если же он звучит гордо, то тоже, наверное, не без оснований. Новое, фантастическое, дикое и несообразное пугает его лишь до того момента, когда он устает бояться. Оказалось, что очень легко привыкнуть к новой реальности – нужно лишь проломить лбом некий барьер при входе, а дальше уж дело пойдет как по маслу.

Сергей не прожил в лесном коттедже и трех суток, а уже знал очень и очень многое.

Не все доходило до ума сразу. Но если человеку постоянно внушать, что крокодилы летают, то рано или поздно наступит момент, когда в ответ на очередную историю из жизни крокодилов он замашет руками и завопит: «Ну хорошо, хорошо, летают! Низенько, но летают! Порхают, тудыть вас растудыть, над цветочками!»

Свыкся с небывальщиной – вот и молодец. Возьми на полке пирожок и приступай к ее изучению.

Миров – или вселенных, – в том числе населенных людьми, оказалось множество, и привычный мир Сергея, мир с лизинговыми компаниями, финансовыми кризисами, военными блоками, мусульманскими террористами, кредитными картами, вулканом Эйяфлатлаёкюдль и созвездием Ориона в зимнем небе в принципе мало чем отличался от доброго десятка известных контрабандистам миров. Иное дело Центрум. Сергей даже взревновал, уяснив, что вовсе не привычная ему Вселенная, а Центрум занимает в новом, расширенном мироздании совершенно особое положение.

– Глядите. – Родион Романович рисовал на листе бумаги кружок и пристыковывал к нему вытянутые овалы. – Модель «Ромашка». Мир посередине – Центрум. Миры-лепестки контактируют только с ним, между собой у них контакта нет. Сколько всего миров-лепестков, мы не знаем. Много. Лишь некоторые из них нам интересны, оттуда идут кое-какие товары. Доставить от них что-нибудь к нам и, соответственно, от нас к ним можно лишь через Центрум, другой возможности нет в принципе. Это вынуждает нас быть готовыми к тому, что противостоит нам в Центруме. А противостоит многое...

Сергей внимал. Населенная людьми планета Центрума по основным параметрам соответствовала Земле. Ее география была более-менее известна лишь в пределах одного большого материка. Вероятно, других материков, а также крупных островов на планете не имелось – во всяком случае, еще ни одному проводнику не удалось пробить туда Проход.

– Некоторые называют их Проходами, другие Вратами, третьи Порталами, четвертые Лазами, Туннелями или Червоточинами – все это одно и то же, – говорил Родион Романович. – Тут полная неразбериха с терминами. Я предпочитаю термин «Проход», хотя фраза «группа осуществила проход сквозь Проход» смахивает на «масло масляное». Да не важно это! Важно другое: вероятностная связь между местом открытия Прохода у нас на Земле и локализацией Прохода в Центруме. Вот карта...

Сергей изучал карту Центрума – географическую и политическую одновременно. Единственный материк был и вправду огромен, не меньше Евразии. Изрезанный горными хребтами, рассеченный реками, он тянулся от приполярных широт северного полушария почти до экватора и еще больше в широтном направлении. Бросалось в глаза обилие пустынь и рек, текущих в никуда. В ряде мест края материка были показаны условным пунктиром – похоже, составители карты не были в достаточной мере осведомлены о конфигурации береговой линии, да и не особо о ней задумывались. Сергей сделал вывод: ага, значит, транспортировкой контрабанды в пределах Центрума эти ребята занимаются не по морю... Спросил прямо – подтвердилось.

Кучу вопросов вызвал политический расклад. На материке помещалось одиннадцать стран. Их обширные границы Родион Романович прямо назвал фикцией. Все, что находилось

вне сравнительно небольших территорий, контролируемых центральной властью, правильнее было считать зонами преимущественного влияния той или иной державы. Попадались и территории без преимущественного влияния – горы, пустыни и прочие малополезные куски суши.

– В одной из таких пустынь вы, Сергей Анатольевич, дважды имели удовольствие побывать.

Удовольствие, по правде говоря, было сомнительным. Но об этом Сергей не стал распространяться.

Что-то в этой карте было не так. Существенно изолированные друг от друга очаги цивилизации – да возможно ли вообще такое? Какими прихотливыми зигзагами двигалась история этого мира, если государства оказались настолько разобщены? Как они торгуют друг с другом, как ездят в гости, как воюют, наконец?

– Воюют – никак, – объяснял Родион Романович, – если, конечно, не считать тарифных войн. А торгуют очень просто: все территории связаны железными дорогами. Воздушный и водный транспорт – это в условиях Центрума несерьезно, хороших шоссе тоже почти нет. После глобальной катастрофы, когда процветающая когда-то цивилизация начала вставать из руин, железнодорожники Центрума стали очень-очень нужными людьми. Настолько нужными, что никто особо и не пикнул, когда они перестали подчиняться какой-либо власти, кроме своего железнодорожного начальства. Теперь они – уважаемая каста, попасть в нее не так-то просто...

Ага, значит, глобальная катастрофа все же была! Сергей порадовался своей догадливости. Усвоение, причем отнюдь не механическое, уймы новой информации шло на редкость успешно: если бы Сергей так учился в институте, то ему бы наверняка предложили остаться на кафедре. Родион Романович не разделял его восторгов:

– Чему вы удивляетесь? Кто совсем недавно дважды прошел в Центрум и дважды вышел назад – вы или я? Проходы обладают рядом свойств, и одно из них заключается в резком увеличении тех сторон интеллекта прошедшего, которые отвечают за способность к обучению. Увеличение это временное, срок зависит от индивидуума. Обычно всего несколько дней. Вам еще языки придется учить: клондальский, краймарский, лорейский...

– Я и английским-то неважно владею, – со вздохом признался Сергей.

– Теперь вам будет нетрудно это исправить. Но начнем мы с клондальского. Республика Клондал в Центруме – некий аналог Великобритании викторианских времен, если здесь вообще можно говорить об аналогах. Колоний нет – пока нет! – но страна, пожалуй, самая развитая. Для нас важно то, что в большинстве других стран клондальцев не слишком любят, зато уважают и даже чуть-чуть побаиваются. Знайте клондальский как родной, ведите себя как клондалец – и половина проблем сразу с плеч долой...

Воображению рисовались носители бремени белого человека – сахибы в пробковых шлямах и с обязательными стеками. В шортах цвета хаки. И еще почему-то верблюжий караван с навьюченными на горбы стволами и лафетами имперской полевой артиллерии.

– А если вдруг почувствуете, что информации многовато для усвоения – только скажите, и мы устроим вам еще одну краткую экскурсию в Центрум. Но сначала сделаем прививки от чумы, черной оспы, желтой лихорадки и малярии.

Вот спасибо!.. Конечно, было любопытно. Но, как ни тянуло еще разок – теперь уже внимательно – поглядеть на Центрум, очень не хотелось лишний раз пугаться до бешеного сердцебиения. Отсюда следовал простой вывод: терять время даром – непозволительная роскошь.

Дни походили один на другой, как горошины в стручке. Продрав глаза после сна, Сергей шел в спортзал делать гимнастику – на этом хором настаивали Родион Романович и Тигран Арутюнович, – затем завтракал в одиночестве и принимался загружать в себя сведения. Первые дни от него не отходил Родион Романович, готовый ответить на любой вопрос, но теперь он

стал появляться реже. Зато имелись учебные фильмы, сделанные явно не профессионалами, но доходчивые.

Подходило время обеда – и Сергей шел обедать. Кормили вкусно, по-домашнему, стряпала толстая, изрядно глупая улыбчивая тетка. Один раз Сергей попытался задать ей несколько окольных вопросов, но скоро понял: все помыслы тетки вертелись насчет того, как бы накормить постояльцев вкусно и сытно. Трудно было поверить, что она ничего не знает о роде занятий владельцев и гостей коттеджа, да и не интересуется этими вопросами, но это, по-видимому, было так. Настороженный ум с трудом воспринимает истину: достаточно много людей живет по принципу «меньше знаешь – крепче спишь», но истине до этого нет никакого дела. Она просто существует.

Один час после обеда был в распоряжении Сергея. Хочешь – гуляй по лесу, но не выходи за пределы владения, хочешь – валяйся на диване и слушай музыку либо смотри фильмы из неплохой коллекции, хочешь – спи. После чего вновь наступал черед занятий, и даже после ужина полагалось читать словари и самоучители языка. Затем полтора часа на личные надобности – и на боковую. Засиживаться за полночь не полагалось.

Хорошо еще, что не поднимали по будильнику!

Пива или чего покрепче – и не проси, не дадут. Количество нормальных собеседников, с которыми можно было бы просто поболтать, – ноль. Количество интересных женщин – ноль. Охрана не была разговорчива.

Через неделю Сергей начал понемногу звереть.

Гипертрофированным терпением он никогда не отличался и знал это, однако же выдержал двухнедельное издевательство над организмом в компании Ивана Шаповаленко и его маньяков! Не скис и не стал для компании обузой. Но там хоть был известен срок издеательства: кончился он – и домой, домой! К пиву и мягкому дивану.

Удобный диван, правда, был и тут. И вообще выделенная Сергею комната – спальня, она же кабинет, – не вызывала нареканий. Все удобно, все на месте, приятный вид из окна, хороший санузел, жаль только, что джакузи не прямо здесь, а на этаже... И стипендия в конвертике оказалась очень даже приличной, не уступающей прежней зарплате Сергея в лизинговой компании. Но надо же видеть перспективу! Каждый солдат должен понимать свой маневр! Долго еще учить реалии Центрума и зубрить языки?

– Прежде чем обучающийся попадет в Центр с первым заданием, мы даем ему здесь максимум того, что можем дать, – сказал Родион Романович, уловив неудовольствие в глазах Сергея. – Естественно, многому придется учиться уже в Центруме, но...

– Но?

– Я думал, вы уже догадались. Но он порой бывает чересчур жестоким учителем. Продолжайте заниматься. Вы ведь хотите не только интересной, но и долгой жизни?

Уел, ничего не скажешь. Попал в точку.

Следующий учебный курс мог бы носить название «Введение в теорию межпространственно-переходных локализаций», если бы речь в нем хоть капельку шла о теории. На деле трудно было вообразить себе что-либо более практическое.

И что-либо более полезное для контрабандиста.

Родион Романович не зря выпрашивал о паскудном случае с медведем, заставляя Сергея показывать на карте точку, где ему впервые удалось открыть Проход, и описывать то место в Центруме, куда он попал. Пустым любопытством тут и не пахло: еще одна точка на карте Земли была теперь соединена условной линией с еще одним местом на карте Центрума – местом, к сожалению, известным и контролируемым пограничниками. Так что пользы от открытия Сергея вроде бы не предвиделось. Не беда – Родион Романович уверял, что от лишней информации вреда не бывает, если эта информация носит практический характер.

Как он утверждал, железной связи между точкой открытия Прохода на Земле и в Центруме не существовало. Связь эта носила вероятностный, а точнее, вероятностно-целенаправленный характер. Сергей мог десять раз открыть проход в знакомом ему месте на берегу речного порога – и десять раз оказаться не только в пределах Сухой пустоши, но и в зоне видимости дозорных на вышке – не зря она была там поставлена! Но в одиннадцатый или, может быть, сотый раз его вынесло бы в пределы иной локализации; куда конкретно – неизвестно. Может быть, на территорию Краймара, или в пределы королевства Цад, или в такое же гиблое место, как Сухая пустошь, а при редчайшей удаче – в новую, еще не отмеченную на карте Центрума межпространственную локализацию. Почти отовсюду с Земли сильный проводник мог попасть в Центрум, но куда конкретно? Выходило, что с Русской равнины «по умолчанию» попадали в Клондал, если только не открывали Проход из небольшой местной локализации, способной вывести куда угодно. Одна из таких местных локализаций как раз и помещалась возле коттеджа и отчасти в нем. Она выводила в сухие и практически безлюдные районы Аламеи.

– С Клондалом мы уже несколько лет как не работаем, – откровенно признавался Родион Романович. – Скажу прямо, нас оттуда вытеснили.

– Пограничники?

– И конкуренты.

Но если далеко не из каждой точки на земной поверхности можно было попасть в нужную точку Центрума, то почти из каждой точки Центрума можно было вернуться. «Почти» – потому что попадались, хоть и редко, аномальные зоны. И вот что было дивно: из какой бы точки Центрума ни возвращался человек на Землю, он попадал строго в ту же точку, откуда начал путешествие. Он мог шагнуть в Проход во время прогулки по тропинке, пройти-проехать-пролететь по Центруму из одного конца материка в другой, открыть Проход, вернуться и как ни в чем не бывало продолжить прогулку по тропинке с того места, где она была прервана.

И на том спасибо, что не в Антарктиде, не на Луне и не в мире, где число «пи» равно восемнадцати... с половиной!

Почему так происходит, контрабандистов не интересовало. Кто хочет выжить в Центруме, должен знать правила, но и в этом случае обстоятельства подчас складываются так, что надо спешно уносить из Центрума ноги. Для этого надо держать в памяти локализации аномальных зон, по возможности избегать их и иметь хорошую подготовку. Больше почти ничего. Все гипотезы о природе этих явлений, вымышленные на досуге Сергеем, стоили здесь пятак в базарный день.

Когда Сергей понял, что среди исконных обитателей Центрума еще не встречался человек с талантом проводника, он спросил Родиона Романовича о причинах такой – приятной для землянина, что и говорить! – несправедливости. В ответ пришлось услышать сухую рекомендацию заниматься чем-нибудь полезным, а не строить из себя теоретика а-ля Альберт Эйнштейн.

– Тут и Эйнштейн спасовал бы, наверное, – добавил менеджер по кадрам.

О мирах, примыкающих к Центруму, Сергей узнал практически лишь то, что они существуют: наверное, более детальное знакомство с ними было еще впереди. Вполне вероятно, что и сами контрабандисты знали о них не так уж много, хотя вели постоянный товарообмен. Когда Сергей узнал, что модель «Ромашка» – упрощенная, пригодная лишь для первоначального знакомства с предметом, он это выдержал, лишь голова слегка разболелась.

– Более адекватная модель называется «Одуванчик» – просвещал Родион Романович. – Я имею в виду созревший одуванчик с семенами-парашютиками, торчащими во все стороны. Среди них можно выделить семена, лежащие примерно в одной плоскости – они соответствуют лепесткам модели «Ромашка». Это более или менее нормальные человеческие миры. Прочие же, растущие наклонно, а то и перпендикулярно относительно нашей воображаемой плоскости, нормальными мирами не назовешь. В большинстве тех миров просто не выживешь – то ли

константы физические там другие, то ли воздуха нет, то ли планеты не шары, а пирамиды или бублики...

– А меньшинство? – спросил Сергей.

– Тоже ничего хорошего. Понравился ли бы вам мир, где Земля плоская, плоды ее изобильны, а люди не умирают насовсем?

– Еще как понравился бы.

– А понравился бы мир, где вы периодически умирали бы и воскресали в точно назначенный день при невозможности умереть окончательно?

– М-м... вряд ли.

– Жутковато, правда? А ведь такой мир существует, Сергей Анатольевич, мы называем его Гомеостатом. Он один из «перпендикулярных» и вдобавок пригодных для людей... большая редкость, хотя и не уникал. Но вам сейчас надо думать о другом...

О другом – это зубрить локализации и осваивать лексику клондальского языка. Дело шло, только голова пухла.

– Если хочешь побеситься – побесись немного, – сказал Патрик. – Некоторым помогает. Стресс, знаешь ли, такая штука...

Какая штука стресс, он объяснять не стал – незачем было. Макс сидел на земле, обхватив голову руками, и молча раскачивался. Понять его мог лишь тот, кому доводилось навсегда терять свой дом.

Хуже того – свой мир.

Соринка, брошенная в поток, – вот что такое человек в незнакомом мире. Поток все равно, куда выбросить соринку, она не имеет для него никакого значения.

Он просил Патрика. Умолял. Но Патрик не мог вернуть его обратно. Разводил руками, упирал на то, что вынужден был ждать Теодора и Макса здесь, потому что не мог пройти в Гомеостат, недовольно признавался, что он не такой сильный проводник, как покойный Теодор, и не все пути ему открыты. Не мог, словом.

Или очень уж сильно не хотел.

Впоследствии Макс и сам не мог сказать, что в тот момент удержало его от буйной истерики. Может быть, как раз то, что Патрик советовал побеситься. Нет, пожалуй, то, что побеситься советовал именно Патрик, а не кто-то иной. Кому понравится следовать советам убийцы?

И Макс взял себя в руки. Что нужно делать, когда не в твоих силах повлиять на события? Правильно: ждать. Пусть до поры до времени поток несет соринку, не ведая, что и у соринки бывает свобода воли.

– Значит, вы ждали меня? – спросил он.

– А я тебе о чем толкую? – ухмыльнулся Патрик. – Еще как ждал!

– Зачем?

– Ха! Должен же кто-нибудь вернуть тебя на твое законное место? Вот я и напросился...

– Напросился?

– Точно. Босс разрешил. Мы же с тобой друзья, Пит.

На этот счет у Макса имелись серьезные сомнения. Не укладывалось в голове, что он мог бы водить дружбу с таким вот экземпляром. То есть теперешний – не мог бы. А прежнего Макса нет, прежний исчез, пройдя через сотни перерождений, и нет его больше.

Быть может, это к лучшему.

Из дурацкого кармана пятнистой куртки Макс вытащил за цепочку свои часы-луковицу.

– Правильно, – кивнул Патрик. – Время не ждет. Пошли.

– Никуда я не пойду, – заявил Макс. – Я буду ждать. Прошло, наверное, минут двадцать-тридцать, стало быть, ждать осталось не более сорока минут.

– Чего еще ждать?

Макс указал на распростертое тело Теодора. Возле него уже всюду жужжали мухи.

– Хочу послушать его объяснения. Твои я уже слышал.

– Ты что, не понял? Он не оживет! В Центруме мертвецы не оживают!

– Посмотрим. – Упрямства Максиму было не занимать.

– Здесь опасно! – заорал Патрик.

Макс не удостоил его ответом. Патрик делал именно то, к чему призывал Макс: бесился. Напоследок, устав орать и прыгать, длинно выругался на незнакомом языке.

– Ладно... Сиди, жди. Только времени зря не теряй. На, читай.

На колени Максиму бухнулась мятая, сильно пропахшая потом тетрадка.

– Что это?

– Словарь. Гомеостато-оннельский словарь. Нам придется идти через Оннели, это такая страна. Зубри.

– Какой смысл?

– Какой, какой... Есть смысл! Зубри, говорят!

Макс заглянул в тетрадь главным образом потому, что не хотел разговаривать с Патриком. О чем говорить с приземистой грудой мышц, поддерживающей примитивный мозг? Матвей всего только дворник, а побеседовать с ним всегда есть о чем. И с Теодором... Вот кто гармоничен: и ум на месте, и сила есть – тяжелый свой саквояж нес как перышко...

Жужжали, надоедая, мухи. Теодор пока не собирался воскресать. Оно и понятно: рано еще.

Макс углубился в чтение. Человек – миен, вода – оки, оружие – асит, идти – ликки, торговец – куппас, «я честный торговец» – «ми иссо рехе куппас», «это не мой товар» – «сис тоут ни иссо мине»... Слова размещались не по алфавиту, а, видимо, по значимости, и тут же шли короткие фразы – этаким гибридом словаря и разговорника. Удобно, хотя почерк мог быть и лучше.

Странное дело: прочитанные слова вбивались в память накрепко, словно ершенные гвозди – сами собой ни за что не выпадут. Ушло куда-то тягостное недоумение по поводу существования разных языков – зачем они нужны, если и одного достаточно? Как ни неприятен был Патрик, Макс решил, что вряд ли ему стали бы нарочно морочить голову таким способом. Значит, надо читать.

За час он пробежал глазами три четверти тетради. Все это время Патрик явно маялся и очень внимательно следил за окрестностями. Один раз привстал, вроде бы высмотрев что-то, затем молча сел. Оружие он держал наготове.

Видимо, зря: вокруг не было никого. Пролетела какая-то птица, по стволу дерева пробежал мелкий зверек – и только. Да еще ящерица влезла погреться на плоский валун.

– Пора, – сказал Патрик. – Надо двигать отсюда.

– Еще десять минут, – не попросил – потребовал Макс, глядя на облепленное мухами тело Теодора.

– Ты что, дурной? Я же тебе говорил!..

Макс замолчал и уткнулся в тетрадку. Патрик покрутился на месте, как собака, не знающая, куда ей пуститься вприпрыжку, поскрежетал зубами и сдался.

– Ладно, десять минут. Но ни минутой больше.

– А если я не пойду – поведешь меня силой? – осведомился Макс, вовсе не из дружеских чувств окончательно решивший перейти с Патриком на «ты».

– Понадобится – заставлю идти! Для тебя же стараюсь, дурак!

«Дурака» Макс пропустил мимо ушей. Как можно оскорбляться словами, когда оскорбительна сама ситуация?

И страшна. Окончательная смерть – это вообще как понимать?

Так и понимай, что окончательная. Был человек – и нет его. И больше никогда не будет. За десять минут ничего не случилось. Только мух налетело еще больше. А на одиннадцатой минуте Патрик объявил:

– Встали. Пошли.

* * *

До сегодняшнего дня правое крыло коттеджа оставалось для Сергея тайной за семью печатями. Оно имело отдельный вход, оттуда иногда появлялись какие-то люди, но кто они? Теперь Родион Романович сам пригласил Сергея в правое крыло.

С вещами.

Тяжелая дверь. Вспыхнувший над дверью тревожный огонек. Ровный, явно синтезированный баритон доброжелательно посоветовал ввести код или быстро убираться вон. Родион Романович небрежно потыкал пальцем в сенсоры на пульте.

– Автоматика опознала вас как незнакомого человека, – пояснил он. – Она хорошо работает, лучше всяких папиллярных идентификаторов. Обратите внимание, какая мягкая реакция! Это потому что я вас сопровождаю. Будь вы один, последовал бы немедленный вызов охраны и, может быть, кое-что еще.

– Что именно?

– Откуда мне знать? Это от вас зависит.

Сергей хмыкнул.

– Штурмовать это здание никто пока не пробовал?

– Пока никто. Но штурмующих ожидает масса сюрпризов. И какой смысл штурмовать то, что способно просто исчезнуть, причем вместе со штурмующими? На крайний случай у нас предусмотрены экстренные меры. Видите, я этого не скрываю. Заряды расположены так, что стены сложаются внутрь. В подвале достаточно термита, чтобы под обломками выгорело все, что способно гореть. У нас не так-то легко отнять что-то силой.

Сергей промолчал. Спокойная уверенность Родиона Романовича показалась ему наигранной и немного наивной. Похоже, он чего-то не договаривал.

Даже наверняка. У этой «группы на ладан дышащих фирм» обязательно есть мощная «крыша». Такая, что лучше и не спрашивать. Да и кто станет раскрывать все свои карты перед не проверенным в деле новичком?

Правда, можно было не сомневаться: проверка вскоре состоится.

– Ева! Я к тебе новичка привел.

Появившейся женщине было на вид лет тридцать. Бегло взглянув на нее, любой сказал бы, что она носит гимнастическое трико исключительно для того, чтобы подчеркнуть очень недурную фигурку. Но, может быть, она просто считала такую одежду наиболее удобной. А может быть, так было принято одеваться в ее родном мире.

Инопланетянка... Точнее, иномирянка – ведь миры модели «Ромашка» сравнительно мало отличались друг от друга. Почти в каждом из них кружился по орбите вокруг желтой звезды аналог Земли, пусть с иным количеством материков и океанов, почти везде наличествовала жизнь, а во многих мирах – и человечество.

Разумеется, узнав это, Сергей не упустил случая спросить Родиона Романовича, как теперь быть с тезисом о неповторяемости эволюции, – и не получил ответа. Интересы менеджера по кадрам не простирались так далеко. Пришлось догадаться самому: уж коли существуют проводники, то они, по-видимому, существовали и в глубокой древности, возможно даже тогда, когда человек еще не был человеком. Почему бы тем или иным группам троглодитов не переселяться из мира в мир? Куда подевались некоторые загадочно исчезнувшие малые народы? О пропавших бесследно отдельных людях и говорить нечего. Очень возможно, что

человек произошел от своего обезьяноподобного предка первоначально в одном мире, а затем распространился на всю «ромашку»...

Родион Романович не поддержал и не опроверг эту гипотезу. Но подтвердил: генетическое различие людей из разных миров – всего лишь на уровне рас.

Ева принадлежала к впечатляющей расе: медная кожа, копна слабо вьющихся вороных волос, широко расставленные большие глаза на треугольном, с узким подбородком, лице. Экзотическую красоту портил римский нос, напоминавший об орлах и стервятниках.

– Вообще-то меня зовут не Ева, а...

Она без стеснения сказала, как ее зовут на ее родном языке. Слыша такие слова, хорошо воспитанный человек симулирует тугоухость, воспитанный средне – начинает краснеть и конфузливо хихикать, а существо вида «хмырь обыкновенный» ржет в голос.

– Но здесь мне лучше называться Евой, не так ли?

Едва-едва не прыснувший Сергей охотно кивнул, а Родион Романович хмыкнул и вышел.

– Значит, ты Сергей? – спросила Ева. Акцента у нее не было совершенно. – Направо по коридору три комнаты, занимай вторую. Через пять минут жду тебя здесь.

Новая комната оказалась даже уютнее старой. Сергей побросал вещи и вернулся в гостиную.

– Уже? Молодец. – Ева не выглядела довольной. – Только когда тебе говорят «пять минут», это значит именно пять, а не три. И уж конечно, не шесть. Такие вещи надо понимать буквально, уяснил?

– Зачем?

– В Центруме поймешь, зачем. Некоторые наши тактические схемы строятся на абсолютной точности во времени. Привыкай сразу. Покажешь себя разгильдяем – спишем в носильщики еще до того, как по твоей милости кто-нибудь погибнет, ясно?

– Вполне. – Как ни хотелось сказать в ответ что-нибудь едкое, Сергей сдержал порыв. Быть списанным в носильщики прямо сейчас совсем не хотелось.

– Родион говорил, что ты адреналиновый первого рода?

– Да.

– Значит, умеешь бояться, – констатировала Ева. – Это хорошо.

– Мне уже надоело, что меня называют трусом, – пробурчал Сергей. – Да еще хвалят за это!

– Хочешь быть храбрецом? – Ева уставилась Сергею в лицо, и он заметил, что глаза у нее типично восточные – бездонно-темные и без признаков третьего века. Такие глаза бывают у японских фотомоделей после удачной пластической операции. – Иными словами – дураком?

– Дураком – нет, но...

– Контрабандист должен бояться. Мы не герои. Наша доблесть – обмануть, обвести, схитрить, умудриться пронести товар без потерь и вернуться с другим товаром. Понятно?

– Это не доблесть, – уныло возразил Сергей. – Это всего лишь успех.

– Пусть так. Но только запомни: герои в стандартном понимании этого слова не становятся контрабандистами. Они либо уходят от нас, либо гибнут, причем без всякой пользы. Ладно бы гибли сами – самоубийцам закон не писан, – но ведь подставляют и других! Нет уж, таких нам не надо, имей это в виду. И меньше смотри фильмов со Стивеном Сигалом.

– Что мне Сигал, – пробормотал Сергей. – Я людям шею ломать не умею...

– Во-первых, недолго научиться. Во-вторых, это вряд ли понадобится. Но курс огневой подготовки и боевого самбо пройти придется – просто на всякий случай. В-третьих, всем наплевать, трусишь ты или нет. Лишь бы действовал правильно. Родион говорил тебе, что человек с задатками адреналинщика первого рода – ценный для нас кадр?

– Говорил...

– И не соврал, – категорично заявила Ева.

Немного похмыкав, Сергей решил не развивать дальше эту тему. Ценный кадр? Поглядим. Похоже, они в этом уверены. А если ошибаются, то тем хуже для них.

– Кофе хочешь? – После нотации Ева смягчилась.

– Нет.

– Чай? Матэ?

– Чай, если можно. Только обыкновенный, без травок.

– Не любишь?

Сергей вздохнул.

– Я недавно в турпоходе был... Знаете, в любой компании найдется этакий ботаник-любитель, который соберет на биваке гербарий и непременно сунет его в чай, если не успеешь отловить его и держать от чая подальше... Чай должен быть чаем.

– Сливки? Сахар?

– Ни в коем случае.

– Черный перец? – Похоже, Ева знала толк в заварке чая.

– Чуть-чуть.

– Договорились. Кстати, не надо мне «выкать». Пусть я теперь твой наставник, а ты мой ученик, но это ведь ненадолго...

Чай и в самом деле оказался на диво хорош.

– Там ведь не только молотый черный перец? – морщась от удовольствия, осведомился Сергей.

– Почувствовал?

– Нет. Видел, как ты добавила в заварной чайник щепотку из другого пакетика. Что в нем?

– А ты внимательный, – похвалила Ева. – Кроме перца я добавила еще одну травку из моего мира. В данном случае она работает как усилитель вкуса. Между прочим, пряности – основной товар, который мы получаем из Центрума или через Центрум из других миров.

Ага, подумал Сергей. Значит, все-таки не наркотики...

– И это выгодно? – спросил он.

– Суди сам. По пятьдесят миллиграммов порошка в каждую пачечку пряной смеси – много ли это? Сойдет за случайную примесь, складскую пыль. Указывать на пакетике ее присутствие, разумеется, необязательно. Зато смесь начинает пользоваться повышенным спросом, никакой рекламы не надо. Фирма-производитель обходит конкурентов, а мы с этого, естественно, имеем свою долю. Психотропными свойствами товар не обладает, вреда здоровью не наносит, границ страны не пересекает – словом, с точки зрения закона, придраться почти не к чему. И совесть наша чиста.

По мнению Сергея, вопрос насчет совести оставался спорным... хотя о какой совести можно говорить, когда речь идет о конкурентной борьбе, да еще по-русски?

– А ты думал – золото? – не угадала Ева. – Ошибаешься. Редкие металлы из Центрума мы иногда получаем, а драгоценные – никогда. Ни золото, ни серебро, ни платина, ни родий, ни палладий. Между прочим, в Центруме не так уж много драгметаллов. Предложат цезий – тоже не возьмем, он радиоактивный. Куда надежнее зарабатывать на чем-нибудь безопасном и невинном – скажем, на спичках или нитках. Это я для примера сказала. Ну, или на пряностях и биодобавках. Чуть медленнее только, но ведь мы не собираемся хапнуть и разбежаться. Очень хорошо идет средство для протрезвления – водители в восторге. Производители парфюма никогда не откажутся от амбры естественного происхождения – а ведь в большинстве лепестков «ромашки» китобои до сих пор бьют кашалотов. О розовом масле слышал? В моем мире есть такое масло, что розовое перед ним как плотник супротив столяра...

Так. Она и Чехова читала...

– Давно ты у нас? – спросил Сергей, прихлебывая чаек и жмурясь от удовольствия.

– Давно. И назад не собираюсь.

– Твой мир так плох?

Веселые чертики заплясали в глазах Евы.

– Может, это я плоха для него? – Она рассмеялась. – Ладно. Расскажу. В моем мире, как и у вас, есть разные страны и народы. И все они в большей или меньшей степени повернуты на благотворительности. Шагу не ступить, чтобы к тебе не пристали с требованием выложить хоть немного денег... например, в помощь безруким телеграфистам или слепым астрономам. Нет, и у вас бывают, конечно, благотворительные аукционы, балы, концерты, распродажи... Но вот до такого у вас не додумались. – Она вдруг заговорила голосом диктора. – Завтра в полдень на главной городской площади состоится благотворительная казнь. Просим заранее бронировать места на трибунах. Одежда, зубы, скальп и предсмертный автограф казненного будут проданы с аукциона, весь сбор поступит в распоряжение дирекции городского сиротского приюта... – Она захохотала, откинув голову. – Каково, а?

– Ну ни фиги же себе, – проговорил потрясенный Сергей. Помолчал, соображая, и спросил: – А кого же казнят таким образом?

– Как правило, преступников. У них есть выбор. Согласие на благотворительную казнь – это отмена части правовых ограничений для ближайших родственников. Обычно приговоренные соглашаются и ведут себя как надо. Еще – потенциальные самоубийцы, безнадежно больные... «Эвтаназия у нас запрещена, но вы можете поучаствовать в благотворительной казни», – этот слоган у нас все знают.

– Ну ни фиги же себе, – только и смог повторить Сергей.

– Словом, мне надоело, – объявила Ева. – Там хорошо, а здесь лучше.

– Постой... Раз уж там у вас такие нравы... Раз уж скальп... Тогда почему же не распродавать с аукциона пригодные для трансплантации органы казненных?

Ева вздохнула.

– Разве Родион не сказал тебе? Все, кроме одного, миры-лепестки развиты слабее вас. Какие могут быть трансплантации при их уровне развития? Один Центрум мог бы стать вровень с вами, если бы не испытал катастрофу сто с лишним лет назад... Теперь он отстает от вас где на сто лет, а где и на двести. «Высокомолекулярная чума» – это, знаешь, серьезно.

Сергей весь обратился в слух.

– С этой «чумой» и была связана катастрофа, – пояснила Ева. – Каков возбудитель и существует ли он вообще – этого мы не знаем. Кто говорит о микробах, кто о специальных нанороботах – все это пока только догадки. У нас нет научной базы, чтобы понять причину «высокомолекулярной чумы», а посвящать в наши секреты научный мир мы, конечно, не станем. Приятно только одно: из всех миров «заражен» лишь один Центрум. Думаю, что возбудитель «чумы» все же существует, но не способен преодолеть Проход в живом состоянии. И это радует! Но в Центруме почти все углеводороды распадаются очень быстро, и полимеры, естественно, тоже – кроме некоторых природных. Что отсюда следует?

– Что зубные пломбы делают там из амальгамы, а не из пластмассы, – сказал Сергей.

– А еще?

– Что сыграть там в футбол еще можно, а вот в настольный теннис – уже вряд ли.

– Глупо, но верно. Шарики целлюлоидные, а это полимер. И кино там нет, потому что при их уровне техники без кинолент не обойтись, а это тоже полимеры. Существует только всякая ерунда вроде «волшебного фонаря» со сменой стеклянных диапозитивов. Но главное – в Центруме нет нефти. Раньше была, а теперь нет. Остался уголь, есть сколько-то природного газа, а нефти нет. Уничтожена прямо в геологических пластах. Природная катастрофа привела к политическим катаклизмам и техническому застою. Думаю, со временем будут найдены обходные пути, многое уже делается, особенно в Клондале и Лорее, но пока Центрум технологически позади вас.

- А остальные миры?
- Остальные – то же самое, но без глобальной катастрофы.
- Кроме одного, значит? – спросил Сергей.
- Кроме одного, – подтвердила Ева. – Тот мир-лепесток развит сильнее, чем ваш. И он давно отделился от Центрума. Как – не спрашивай. Но попасть туда невозможно.

Глава 5. Куда ты попал, Робин Крузо? Где ты был?

– Да брось ты, наконец, этот саквояж! – не выдержал Патрик. – Чего зря надрываешься?

– Там мой костюм, – тяжело дыша, ответил Макс. После спуска с горы и подъема на плечо другой горы он уже не был твердо убежден в необходимости носить лишние тяжести и продолжал тащить саквояж больше из упрямства. Саквояж тоже был из упрямых: обладал инерцией, оттягивал руку и все время норовил стукнуть по коленке.

А оружие Теодора Патрик нес сам, не рискуя доверить его Макс.

Это он правильно делал. Нет, Макс не стал бы стрелять Патрику в спину, даже если сумел бы разобраться, как снять диковинный карабин с предохранителя. Он всего лишь постарался бы избавиться от общества рыжего убийцы, отогнав его куда-нибудь за пределы видимости или подранив, если рыжий окажется чересчур настырным.

А что потом? Макс не знал. Наверное, стоило бы вернуться к телу Теодора – не потому, что он все-таки мог ожить (в такое развитие событий уже не слишком верилось), а потому, что именно там Макс попал в мир, который Патрик называл Центрумом. Где вход, там, возможно, и выход.

Так оно или нет, кто мог сказать? Но надеяться, наверное, не запрещено в любом мире.

На всякий случай Макс крутил головой, запоминая приметы: груды камней, одинокое кривое дерево, чье-то старое кострище, уже обросшее по краям жесткой травой...

Солнце пекло. Прыгали из-под ног кузнечики. Хотелось пить.

– Стоп, – скомандовал Патрик. – Привал пять минут. Давай сюда свой саквояж.

Одежда Теодора была бесцеремонно отброшена. Костюм и ботинки Макса Патрик аккуратно положил на камень.

– Это пригодится. Что тут еще? А, вода! Держи.

Алюминиевая фляга была теплой на ощупь и, судя по весу, почти полной. Макс нетерпеливо свинтил колпачок и принялся глотать воду. Он выпил бы полфляги, если бы Патрик не прикрикнул на него, приказным тоном потребовав не увлекаться.

– От реки мы ушли, вода теперь нескоро будет. Ну что мне с тобой делать, Пит, а? Все позабыл... Ладно, бывало хуже... Так, а это что?

Из саквояжа появились два продолговатых металлических предмета – Макс опознал в них вместилища патронов для карабина Теодора. За ними последовали три консервные банки и немного сухарей в надорванном бумажном пакете. На самом дне обнаружили два плотно сложенных рюкзака из тонкой, очень прочной на вид ткани.

– Ты глянть, какой предусмотрительный! Саквояж он в Гомеостате носил так, ради маскировки, а для Центрума приготовил рюкзаки – тебе и себе. Ты не знал?

– Нет.

– А еще говоришь, что тебя не похитили! – Патрик смачно сплюнул. – Вот и доказательство: твой Федор не дал бы тебе вернуться в Гомеостат. Не для того шел.

Костюм и ботинки Макса Патрик затолкал в один из рюкзачков, туда же отправил провизию и флягу. Вместилища патронов взял себе. От души пнул ногой пустой саквояж.

– Пошли.

– Постой... – Как ни неприятен был Патрик, Макс решился на вопрос. – Зачем меня похищать? Кто я?

– Мой друг. Мы друзей в беде не бросаем.

– Друг – и только?

– А что, этого мало? – окрылся Патрик. – Все, кончили болтать. Пошли.

– Куда?

– Есть на территории Оннели одно местечко. Тебе понравится. Надевай рюкзак!

Последнюю фразу он просто проорал. Макс вздрогнул и подчинился.

В конце концов, вывести нужную информацию можно и попозже.

Оказалось, что двигаться с рюкзаком на спине гораздо приятнее, чем с саквояжем в руке. Груз почти не ощущался – хотя, конечно, он несколько уменьшился.

Чтобы не слишком обрадоваться, Макс подумал, что теперь наверняка будет потеть спина.

Двинулись прежним порядком: впереди Патрик с карабином Теодора на плече и своей винтовкой в руках, за ним в трех шагах Макс. Наткнувшись на подобие тропинки, пошли быстрее. К тому же начался пологий спуск.

И вдруг Патрик остановился как вкопанный.

– Охотник... – пробормотал он. – С собакой.

Достав откуда-то небольшой бинокль, он с полминуты не отрывал его от глаз.

– Вроде местный... Заметил нас. Сюда идет. Ты только помалкивай, говорить буду я...

Макс и так молчал. Он не знал, что делать. Трудно решать даже за одного себя, не зная слишком многого.

Патрик снова двинулся вперед – вроде неспешно, как на прогулке, но Максу были видны его плечи, охваченные лямками рюкзака. Порой плечи красноречивее лиц.

Две точки впереди превратились в человека и собаку. Без сомнения, охотник шел навстречу, поднимаясь на плечо горы по той же самой тропинке.

В мире Макса охотники были редкостью, но все же встречались. Собаки тоже.

Когда незнакомец подошел ближе, Макс смог рассмотреть и его самого, и его собаку. Охотник был долговязым, с узкой костью, мужчиной лет тридцати или немного больше, одетым в явно домотканую прелую рубаху, такие же штаны и короткие стоптанные сапоги. Вместо шляпы он обвязал голову зеленой тряпкой. Из-под нее свисали длинные, очень черные прямые волосы. Лицо – тоже узкое, коричневое от загара. Заметив чужаков, он не остановился и лишь взялся за ремень своей двустволки, однако с плеча ее не снял.

А пес был ублюдком с признаками сеттера, овчарки и еще, наверное, доброй дюжины собачьих пород.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.